Писатель
Вениамин Каверин
вспоминает...
Академик
Э. Л. Андроникашвили:
ускорение и наука
Исполин
Экибастуза
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА
№ 27 ИЮЛЬ 1986

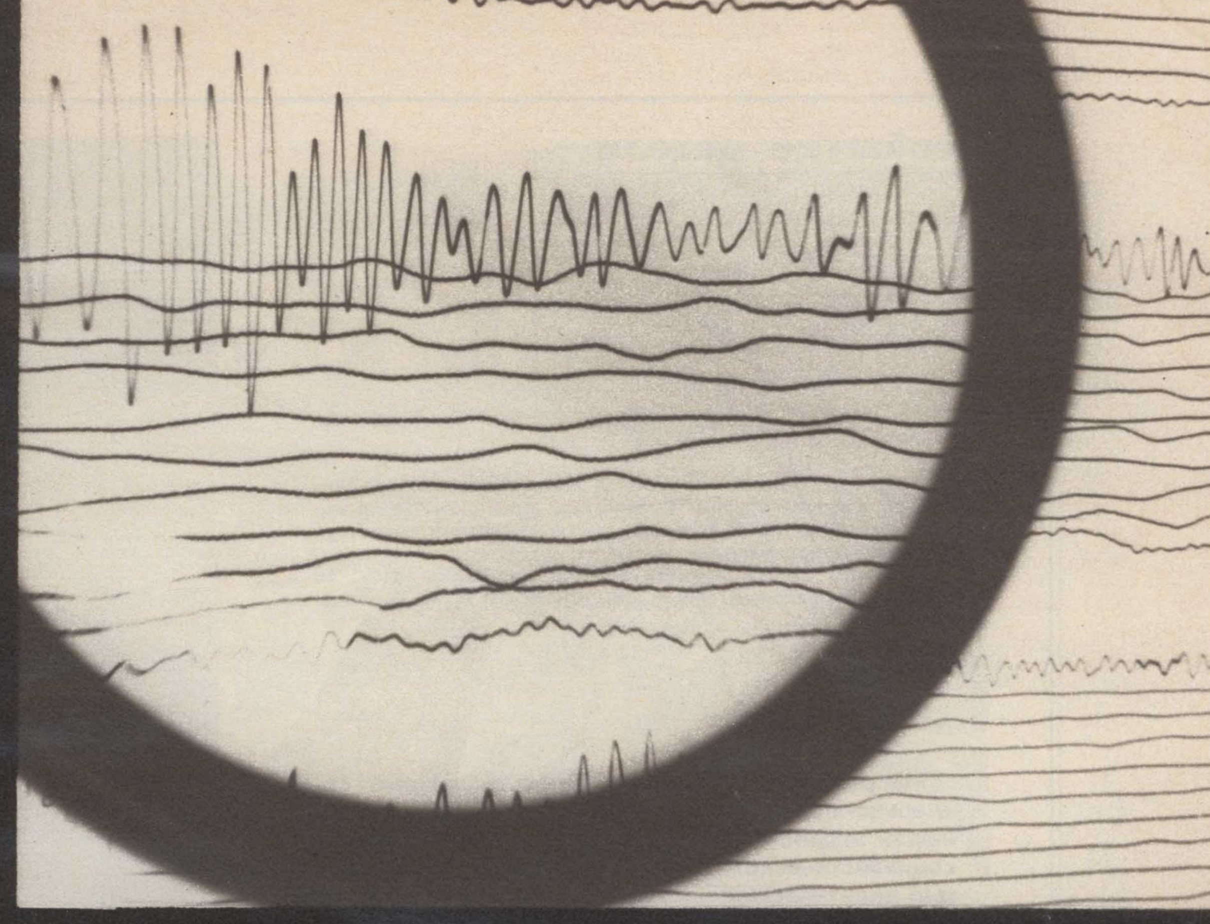
Старший инженер Петр Косой готовит телеметрическую систему сбора и обработки сейсмической информации.

Над нами толща Земли с десятиэтажный дом. Здесь в камерах находятся приборы — сейсмометры.

ЯДЕРНЫЕ ВЗРЫВЫ НЕ СКРЫТЬ!

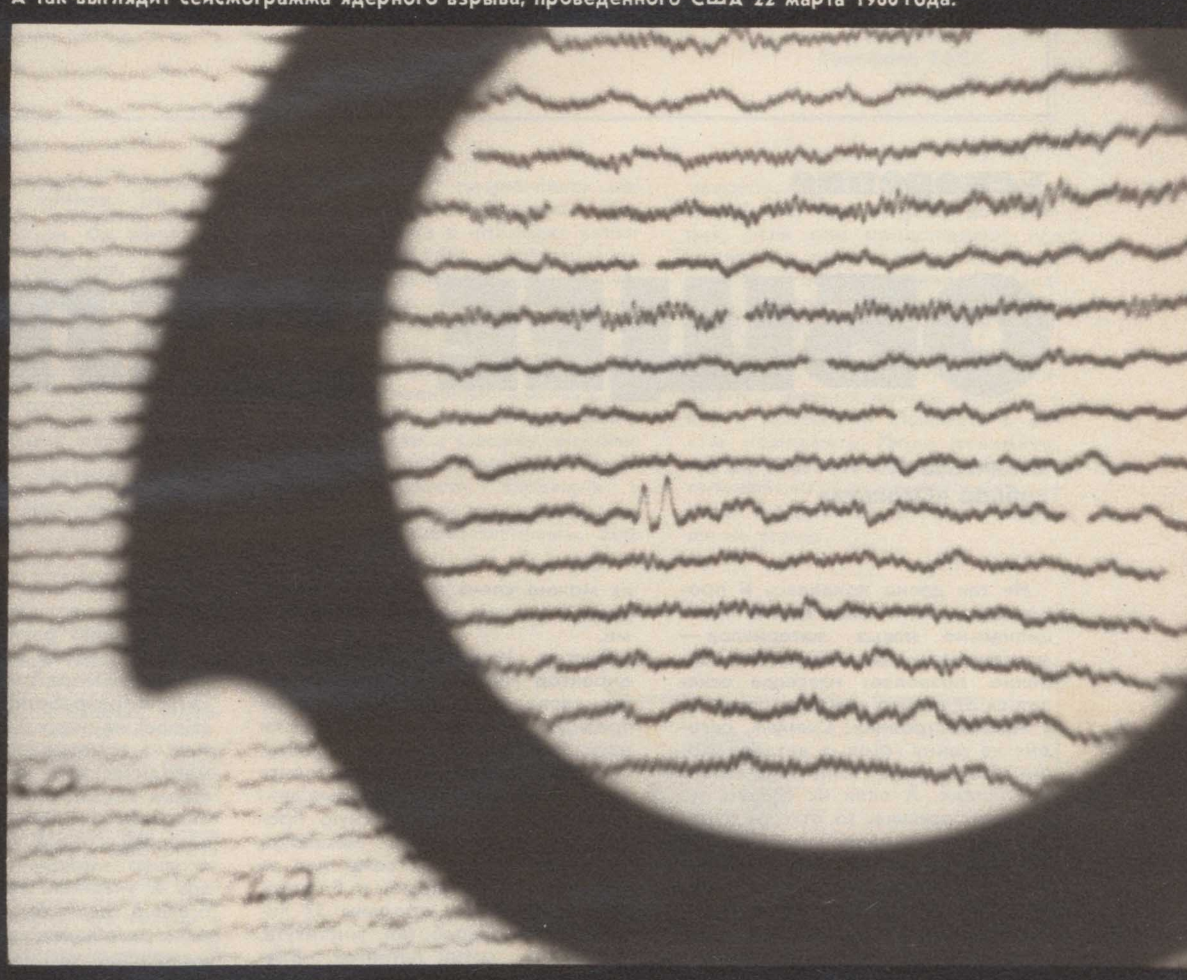
ОКОЛО 1500 ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЙ РЕГИСТРИРУЕТ ЕЖЕГОДНО ОБСЕРВАТОРИЯ В ОБНИНСКЕ. ЕЕ СЕЙСМОМЕТРЫ ФИКСИРУЮТ СМЕЩЕНИЕ ПОЧВЫ В ТЫСЯЧНУЮ ДОЛЮ МИКРОНА

ТРЕВОЖНОЕ Э



Сейсмограмма землетрясения на Курильских островах 16 апреля 1986 года.

А так выглядит сейсмограмма ядерного взрыва, проведенного США 22 марта 1986 года.



ХО

В. ИТКИН,
Л. ЧЕРНЕНКО
Фото Г. КОПОСОВА

Лифт опускает нас вниз. Распахиваются двери, и мы вступаем в сумрак тоннеля, уходящего вдаль. Над нами — толща Земли высотой с десятиэтажный дом. Это нужно для того, чтобы, как говорят специалисты, «уйти от годового хода температур». На поверхности идут дожди, метут снега или палит солнце, а здесь, в глубине, круглый год одна и та же температура. Для чуткой аппаратуры это очень важно.

Мы в Центральной сейсмологической обсерватории страны. Тусклые плафоны, холод бетонных сводов, массивные железные двери. За ними — камеры, в которых на монолитных пьедесталах покоятся сейсмометры. Бетонные постаменты — словно берега, о которые бьются сейсмические волны. Их и улавливают чуткие приборы.

См. стр. 26.

событие недели

В Варшаве завершил работу X съезд Польской объединенной рабочей партии. С отчетным докладом Центрального Комитета ПОРП X съезду выступил Первый секретарь ЦК ПОРП В. Ярузельский.

В работе съезда приняла участие делегация КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым.

«Мы решительно взяли курс на ускорение социально-экономического развития, обновление нашей жизни, очищение ее от всего, что мешает социалистическому строю развернуть свой мощный политический, экономический и духовный потенциал.

По сути дела, у всех у нас одна цель — научиться, причем как можно быстрее, использовать в полную силу огромные возможности нашего строя.»

М. С. Горбачев. Из выступления на X съезде Польской объединенной рабочей партии

ускорение

ОБЩЕЕ ДЕЛО

Станислав КАЛИНИЧЕВ, собкор «Огонька»

Не так давно появилась и продолжает расти целая гамма принципиально новых материалов — металлических порошков. Их внедрение позволяет навсегда отказаться от многих вековых приемов в машиностроении. Скажем, сегодня на тонну готовых деталей уходит более двух тонн выплавленной стали. А если их спекать из металлопорошка, то отходы будут в сто раз меньше, ненужными становятся многие цехи и производства, продуктивность труда возрастает по меньшей мере вдвое.

— Как вы думаете, что в этом сосуде? — спросил наш собеседник, академик АН УССР В. И. Трефилов: в прозрачной колбе поблескивал серый порошок, напоминающий цемент.— Это алмазы. Очень мелкие. Уверен, что скоро их будут выпускать... тоннами! Попробуйте сплавить алмазы со сталью — сгорят. А со стальным порошком или другими добавками их можно спечь и получить материал с уникальнейшими свойствами.

Виктор Иванович Трефилов — директор Института проблем материаловедения АН УССР, вице-президент Украинской Академии наук. В прошлой пятилетке институт был головным среди почти двухсот организаций, которые двигали целевую комплексную программу «Порошковая металлургия». За последние семь лет за рубеж, в том числе в Японию, ФРГ и Францию, проданы 32 лицензии на разработки института, защищены сотни патентов. Виктор Иванович предложил познакомиться с содержанием письма руководителя японской фирмы, которая купила в ИПМ и испробовала в работе несколько машин, дающих многократную выгоду в одной из новейших технологий. Фирма предлагает институту наладить общее производство вплоть до создания совместного завода.

Дух творчества и высокого честолюбия, царящий в коллективе, не позволяет равняться на сегодняшний средний мировой уровень, который завтра станет вчерашним. Своими разработками ИПМ не наступает на пятки зарубежным фирмам, а показывает им свои... Под методическим и научным руководством института для осуществления разработанных им технологий в нашей стране уже создано несколько заводов и почти 250 цехов и участков. Их могло быть и больше, если бы не ведомственная разобщенность, вечный бой между творческим горением и суровой прозой текущих (для каждого — своих) планов.

Бои идут и на международной арене. В ИПМ еще хорошо помнят трехлетнее сражение с фирмой «Дженерал электрик», которая не могла примириться с выдачей институту американского патента. Он подтверждал первенство советских ученых, создавших новое поколение ударостойких алмазных модификаций (нитрида бора), особо важных в современном машиностроении. «Дженерал электрик» проиграла этот спор. Советские ученые сохранили свои права на рынках США и других стран, где охотно покупают инструмент производства наших алмазных заводов.

Естественно, что один из шестнадцати межотраслевых научно-технических комплексов, которые создаются на стратегических направлениях ускоренного развития нашей экономики, возглавил Институт проблем материаловедения АН УССР. В новый комплекс включаются десятки организаций: научных, проектно-конструкторских, отдельные цехи и заводы. Уже созданы орган управления комплексом во главе с В. И. Трефиловым, коллегия, формируется группа оперативного руководства.

Стратегическое направление комплекса — это порошковая металлургия и керамические материалы. Нужно сказать, что проблема материалов заданных свойств вообще занимает особое место в НТР. Именно их отсутствие в значительной мере сдерживает прогресс в термоядерной энергетике, в создании высокотемпературных реакторов, новых поколений космических систем, особо компактной микроэлектроники, экономичных солнечных батарей, особо высокопрочных сплавов для машиностроения и многое, многое другое.

Киевский ИПМ определен головным во всем комплексе, потому что здесь накопили богатейший научный потенциал, многолетний опыт, образно говоря, взламывания межведомственных барьеров. Здесь немало ростков такой организации дела, когда легко переступают через «мое» во имя «нашего».

В каждом коллективе складывается своя атмосфера взаимоотношений. В ИПМ — это одержимость творческим поиском, заинтересо-

Телефото ТАСС

ванность в делах ближнего. Помимо тщательно согласованного внедрения своих разработок, здесь готовы прийти на помощь любому предприятию любого ведомства, институту. Есть в коллективе ревностное отношение к авторитету своей марки, этакий дух здорового честолюбия: мы все можем!

Был такой случай. Заместитель директора института доктор наук Г. Г. Карюк по дороге в Москву оказался в одном купе с руководителем небольшого завода. Разговорились. Попутчик жаловался: номенклатура заела, не берет заказчик продукцию — устарела. А каким образом перестраивать производство?.. Вот тут Геннадий Гаврилович и обратил попутчика в «свою веру». Через несколько недель на завод поехала группа ученых, за ними — вполне современное оборудование, специалисты, которые взялись за переподготовку рабочих. Через год заводская продукция шла как последнее слово техники. А в цехе опытного производства института вместо снятого и отправленного на завод нового оборудования устанавливалось новейшее.

Мы разговаривали с Геннадием Гавриловичем Карюком. Спросили о подробностях той встречи в купе.

— Нормальная работа, — ответил он.— Могу назвать вам по меньшей мере еще пять таких же заводов, где наше вмешательство в корне изменило профиль предприятия.

Принятый в институте стиль взаимоотношений помогает двигать не только «свою» работу, но и оценивать по достоинству «чужую». Вот последний пример. На одном из заводов работал инженер А. А. Михайлов. Он занимался режущим инструментом. А в этом деле есть проблема, над которой специалисты бьются уже лет пятьдесят... Как известно, резцы для станков не делают целиком из твердых, очень дорогих сплавов. Их делают из обычной стали и только к самому кончику прикрепляют режущую пластинку. Ее напаивают, наваривают, приливают... Как лучше прикрепить? Вот над этим и мудрил инженер Михайлов, экспериментировал. И нашел способ, при котором не только место спайки, но и сама режущая пластинка резко изменяет качества, становится тверже. Такой резец позволяет вдвое увеличить производительность станка, служит в несколько раз дольше обычного.

Идея настолько захватила Михайлова, что на заводе на него стали смотреть как на чудака, от идеи отмахивались. Несколько лет было потеряно... А в ИПМ для Аркадия Андреевича нашлись и место, и должность, и помощь. Физики помогли разобраться в сложном клубке структурных изменений, найти наивыгоднейшие режимы обработки. Сейчас под открытую им технологию спроектирован и создается участок на заводе имени Парижской коммуны, где всего шесть рабочих смогут обеспечить резцами все предприятия Киева и области. Экономический выигрыш составит по меньшей мере десять миллионов рублей (и это только в Киеве!), будет сэкономлено более тысячи тонн металла и около 20 тонн весьма дефицитных дорогих сплавов. Создаются такие же участки в Жданове, Кривом Роге; дело пошло...

Приятно надеяться, что эту атмосферу коллективизма головной институт распространит на все подразделения межотраслевого научно-технического комплекса, никого не обделит широтой и доступностью. Такой опыт уже есть, но раньше он сдерживался ведомственными интересами. Теперь же, когда в комплекс включены предприятия и организации различных министерств, когда разрабатываются общие планы, а под них — финансирование, материальное обеспечение, необходимые лимиты и т. п., возникает как бы резервная кровеносная система. Не надо каждую мелочь пробивать через Госплан и Совмин, «чужие» разработки для предприятий различных ведомств, входящих в комплекс, становятся «родными», а их внедрение — плановым. Есть уверенность, что и «свои», периферийные, так сказать, достижения, если они представляют интерес и в других отраслях, получат общегосударственное признание... Кстати, такие надежды витают в воздухе. На столе у В. И. Трефилова лежат письма от руководителей предприятий и организаций с разных концов страны — все с просьбами включить в состав комплекса. Люди понимают, что если делиться научными достижениями — хватит на всех, а у того, кто делится, от этого меньше не станет.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 27 (3076)

5—12 ИЮЛЯ

Миролюбие по-вашингтонски.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

ВО ИМЯ МИРА

ЮРИЙ КОРНИЛОВ

«Мир может быть сохранен только совместными усилиями всех государств и всех народов. Надо, чтобы каждый на Западе понял: любой старт ракеты с ядерным оружием — это по существу акт не только убийства, но и самоубийства». Так заявил, выступая 30 июня в Варшаве на X съезде ПОРП, М. С. Горбачев. В этих словах с предельной четкостью выражена суть советского подхода к стержневой проблеме современности — проблеме войны и мира. Наша страна исходит из того, что в ядерный век мир стал слишком маленьким и хрупким для войн и всякого рода «силовых приемов», и ныне не только ядерная дуэль, но и подготовка к ней никому не могут принести политического выигрыша.

Год 1986-й, объявленный ООН годом мира, ознаменован поистине историческими инициативами социалистической политики и дипломатии. Это прежде всего выдвинутая в январе в Москве программа поэтапной ликвидации до конца века ядерного оружия. Обнародованная на XXVII съезде КПСС идея создания всеобъемлющей системы международной безопасности. Широкомасштабные предложения СССР, облегчающие возможность соглашения об удалении ракет средней дальности из Европы. Призыв к запрету всех ядерных испытаний. Разработанный братскими социалистическими государствами развернутый план сокращения вооруженных сил и обычных вооружений в Европе.

Мир приветствует советское «мирное наступление»! Новым убедительным тому подтверждением может служить широкий международный резонанс, который вызвало выступление М. С. Горбачева в Варшаве. Но было бы серьезной ошибкой недооценивать и влияния тех кругов Запада, которые стремятся не допустить поворота к лучшему в развитии мировых событий. Чем отвечает Вашингтон на мирные советские инициативы? На призыв не допустить переноса гонки вооружений в космос он отвечает форсированной подготовкой к «звездным войнам». На меры по укреплению стратегической стабильности — подкладыванием взрывчатки под договор ОСВ-2. На советский мораторий на испытания ядерного оружия — все новыми ядерными взрывами на полигонах Невады. А на предложения снизить уровень военного противостояния — раздуванием милитаристского психоза и наращиванием военных ассигнований, которые в 1987 финансовом году достигнут, как сообщается, почти 300 миллиардов долларов — рекордной суммы в истории страны.

В связи с 45-летием со дня вероломного нападения нацистской Германии на СССР миллионы людей вновь и вновь обращались мыслью к прошлому и его урокам, главный из которых гласит: бороться против войны необходимо, пока она не началась, решительно противодействуя агрессору. Люди старшего поколения помнят, как Чемберлен, возвратившись в 1938 году в Лондон после позорной мюнхенской сделки, восклицал, что «отныне мир обеспечен на целое поколение», и с пафосом цитировал шекспировского «Генриха IV»: «Из крапивы опасностей мы извлечем цветы спасения». Пресса тогда же напомнила недальновидному британскому премьеру, что за процитированной им фразой у Шекспира говорится следующее: «Затея, за которую ты взялся, опасна. Друзья, которых ты перечислил, ненадежны». А вскоре и сам ход событий подтвердил, что мюнхенский сговор развязал руки агрессору, открыл путь к войне. Разве не подобным же недальновидным образом действуют сегодня те круги в западноевропейских государствах — членах НАТО, которые, на словах отмежевываясь от опасных крайностей американской политики, на деле уступают нажиму из-за океана, а то и открыто подыгрывают пентагоновским «ястребам»? Похищена и вывозится за океан самостоятельная политика иных западноевропейских стран, под предлогом защиты безопасности отдаются на откуп их национальные интересы.

Адреса тех на Западе, кто, пытаясь с помощью силы, ракетно-ядерной дубинки вершить судьбами мира, упорно противодействует оздоровлению политического климата, не составляют секрета. Напомним в этой связи, что в США «на войну» полным ходом работают сотни гигантских военно-промышленных корпораций. Заказы Пентагона выполняют 30 тысяч только основных подрядчиков, Соединенные Штаты, это наиболее развитое государство капиталистического мира, превратились ныне в государство милитаризованной экономики, в локомотив милитаризма. Барыши крупнейших американских «королей оружия», тесно связанных с вашингтонской политической элитой, с военщиной, за последние пять лет увеличились в 2,5 раза и продолжают стремительно расти. Особенно крупные прибыли приносит военным корпорациям «приобщение» к программе «звездных войн». «В Пентагоне, в военно-промышленном комплексе и правительстве немало людей, которым надо выбирать между миром, с одной стороны, и прибылями — с другой,— отмечает лидер американских коммунистов Гэс Холл.— И они будут и впредь отдавать предпочтение прибылям, даже если это будет означать перенос гонки вооружений в космос и эскалацию угрозы ядерного уничтожения».

Время, ход событий покажут, способны ли те круги на Западе, которые столь сильно поражены метастазами милитаризма, осознать реалии ядерной эры, отказаться от бесперспективной и опасной ставки на наращивание материального аппарата войны. Что же касается Советской страны, то она, давая должный отпор империалистической агрессивности, преисполнена решимости и впредь твердо вести линию на упрочение мира. Мира без войн, без оружия!

ГЕНЕРАЛ ИСМАТ МУСЛИМ

У небольшого разъезда дороги, что ведет из аэропорта в Кандагар, нашу машину внезапно окружили пуштуны, решительные лица которых, казалось, не сулили ничего хорошего. «Исматовцы,— пояснил, притормаживая, шофер.— Просят подвезти». В одно мгновение добрый десяток лихих молодцов, с головы до ног обвешанных оружием, до отказа заполнили старенький, видавший виды «джип».

...За два месяца пребывания в Афганистане я не раз слышал об этих людях, добровольно перешедших из стана врагов на сторону народной власти и с оружием в руках защищающих сегодня завоевания Апрельской революции. Что же касается самого Исмата Муслима, то о нем ходят просто легенды.

Попытки встретиться с генералом Исматом в Кандагаре долго были безуспешными. Но мне однажды подсказали, что генерал по делам службы находится в Кабуле.

...Уютный особняк на одной из тихих, зеленых улиц афганской столицы. Пристальные взгляды пуштунов, внимательно наблюдающих за всем, что происходит вокруг. «Извините,— говорит один из них,— мы должны быть бдительными». Есть для этого основания. Покушения на жизнь Исмата Муслима продолжаются: попытки подкупить охрану генерала, засады на дорогах, выстрелы из-за угла... Сам президент Пакистана, генерал Зия-уль-Хак, выступая на одном из недавних совещаний главарей банд в Пешаваре, заявил, что Исмата надо убрать.

Родился Исмат в 1938 году в городе Калат [провинция Забуль] в семье одного из предводителей племени ачекзай. Отец — генерал Хаятулла Хан — в прошлом был личным адъютантом и телохранителем короля Захир Шаха.

— Апрельскую революцию я встретил радостно, как и все мои патриотически настроенные соотечественники,— начал Исмат свой рассказ.— Не скажу, что мы ждали ее и были к ней готовы, но мы знали, что перемены необходимы, и были на стороне тех, кто поднял народ на революцию. Но я видел и другое. Кое-кто хотел пристроиться к революции, преследовал корыстные цели. Мы представляли для них опасность уже тем, что выступали против тех нарушений законности, которые творил Амин.

Семью Исмата начали преследовать. Были репрессированы, а затем расстреляны его брат и сестра. Угроза ареста нависла над ним самим. Не дожидаясь этого, Исмат ушел в Пакистан.

— Сначала пакистанцы мне не поверили,— продолжает он.— А когда поняли, что я серьезно намерен бороться против законного правительства Афганистана, стали оказывать помощь оружием, боеприпасами, продовольствием, деньгами. Были и советники — пакистанские, американские.

Исмат создал из людей своего племени вооруженные группы, которые в течение двух лет вели боевые действия против правительства ДРА на территории провинции Кандагар.

Исмат Муслим многого тогда не понимал. Им руководила жажда мести за смерть родственников, за все пережитое самим. Но и тогда он выступал не против революции, а против тех людей, которые, по его мнению, не должны были стоять у власти.

— Потом я словно начал прозревать. Я видел страшные преступления, которые совершают «защитники ислама». Я видел, как грызутся между собой главари банд и контрреволюционных организаций за власть и получаемую из-за рубежа денежную помощь.

Раббани, Гульбуддин, Халес, Саяф, Гиллани... Этих людей Исмат не раз встречал там, в Пакистане. «Их интересуют только деньги,— говорит он.— Из-за них они готовы на все, на народ им наплевать. Но посмотрите на жизнь афганских беженцев в Пакистане: у них нет домов, одежды, хлеба. Ничего нет. Живут припеваючи лишь главари банд и муллы, которые своими россказнями о «кабульских безбожниках» одурачивают народ».

Постепенно Исмат начал понимать и сущность планов афганской контрреволюции и поддерживающих ее сил. «Эта необъявленная война,— говорит генерал,— не имеет ничего общего с защитой ислама. Если она что-либо и защищает, так это чужие интересы».

Патриот своей страны Исмат стал выражать несогласие с деятельностью афганской контрреволюции, направленной в конечном счете на утрату Афганистаном своего суверенитета и независимости. Он сократил до минимума боевые операции своих людей, тайно начал искать контакты с Кабулом.

Все это, естественно, не могло остаться незамеченным. Бывшие «соратники» ополчились против Исмата. За день до своего ареста, намеченного пакистанскими властями, он, бросив все имущество, вместе с 600 верными людьми начал тайными тропами пробираться в ДРА.

Спустя некоторое время решением Президиума Революционного Совета Исмату Муслиму было присвоено звание генерала. Он стал членом высшего законодательного органа республики.

Кто они, эти люди, которых называют «исматовцами»!

В прошлом это — крестьяне, кочевники, муллы [одному из них Исмат везет из Кабула новое издание Корана].

— Нет такой семьи в нашем племени,— сказал мне потом чернобородый исматовец Яр Мамед,— которую не посетил бы Исмат. Он интересуется всем. Как живут, не болеет ли кто, в чем нуждаются. Исмат помогает нам, когда трудно. Делится последним, поэтому мы идем за ним.

— Даже если я погибну,— уверен генерал,— мои бойцы и командиры будут продолжать бороться с контрреволюцией, защищать народную власть. Они уже поняли, кто есть кто в необъявленной войне.

Сегодня исматовцы охраняют дорогу Кандагар — Спинбульдак и далее транзитный путь в Пакистан. Под их прикрытием — одиннадцать караванных путей, которые ранее использовались бандитами для переброски в Афганистан оружия и боеприпасов. На основе отрядов Исмата Муслима создано четыре пограничных батальона и другие военные формирования. Вместе с солдатами Народной армии они участвуют в операциях по очистке провинции Кандагар от душманов.

Кроме того, используя свой высокий авторитет среди племен, Исмат вступает в переговоры с главарями других банд, объясняет им сущность происходящих сегодня в ДРА процессов, помогает народной власти налаживать контакты с теми, кто пришел к выводу о бесперспективности контрреволюционного движения. Это очень важная работа в условиях сегодняшнего Афганистана.

И последний вопрос к генералу:

— До каких пор во вверенной вашим силам провинции Кандагар будет разгуливать на свободе главарь бандитского формирования мулла Маланг, творящий зло и насилие!

— Мулла Маланг,— ответил генерал,— давно уже сбежал и скрывается где-то в горах в провинции Забуль. Иначе мы его давно бы взяли и судили как уголовного преступника. Последние диверсии в Кандагаре — дело рук его людей, которых Маланг кормит на деньги, получаемые с Запада. За это они, как волки, ночами шастают по провинции, грабя попадающихся на своем пути и обстреливая Кандагар ракетами.

Вошел молодой пуштун и протянул Исмату какую-то бумагу.

— Предлагают немедленно вылететь в Кандагар,— сказал, пробежав ее глазами, генерал.— В провинции распространились слухи, будто я арестован. Враги не гнушаются ничем, лишь бы спровоцировать выступления против народной власти...

Маленький дворик, куда мы вышли прощаясь, был наполнен ароматом цветущих роз.

— Это вам,— сказал Исмат, срезая одну из них.— И одна просьба: напишите, чтобы прочли все,— нам нужен мир.

Николай ОБОТОВ,
корр. АПН — специально для «Огонька»

Кандагар — Кабул.

Успешные операции против бандитских формирований были проведены в последнее время в ряде провинций Афганистана. На снимке: пленные душманы.

Фото ТАСС

Ч. Айтматов и Олесь Гончар.

М. Карим, Ю. Бондарев и Максим Танк.

Ганс Петер Блойель(ФРГ), В. Распутин и С. Михалков.

Бхишам Сахни (Ассоциация писателей Азии и Африки) и Гулям Дастагир Панджшери (ДРА).

В зале заседаний съезда.

ПИСАТЕЛЬ

Лица делегатов и гостей форума многонациональной советской литературы. Они передают живую атмосферу рабочих заседаний и встреч в перерывах между ними. Взволнованное писательское слово, звучавшее в эти дни с трибуны Кремлевского Дворца съездов, затрагивало наболевшие вопросы мастерства, честности и ответственности художника перед своим народом, страной, временем.

Откровенный, нелицеприятный разговор шел на съезде о бережном и вместе с тем требовательном отношении к таланту, о необходимости глубже и смелее осваивать нашу сложную действительность, быть активными помощниками партии в грандиозном деле ускорения экономического и социального развития советского общества.

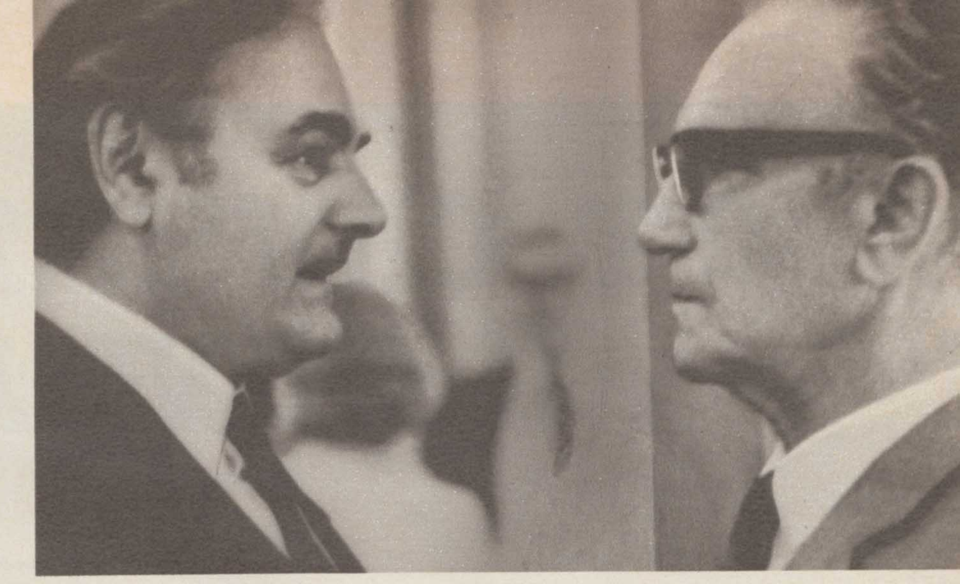
Пленум правления Союза писателей СССР избрал председателем правления Г. М. Маркова, первым секретарем — В. В. Карпова. Был избран также секретариат в составе 63 человек. Образовано бюро секретариата правления СП СССР в составе Ч. Т. Айтматова, Г. Я. Бакланова, Ю. В. Бондарева, В. В. Быкова, А. Т. Гончара, С. П. Залыгина, В. В. Карпова, Г. М. Маркова. Секретарем Союза писателей СССР по организационно-творческой работе избран Ю. Н. Верченко.

VIII съезд советских писателей завершил свою работу. Теперь миллионы читателей ждут от его участников новых ярких произведений, достойных нашей героической эпохи.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА
и А. ГОСТЕВА

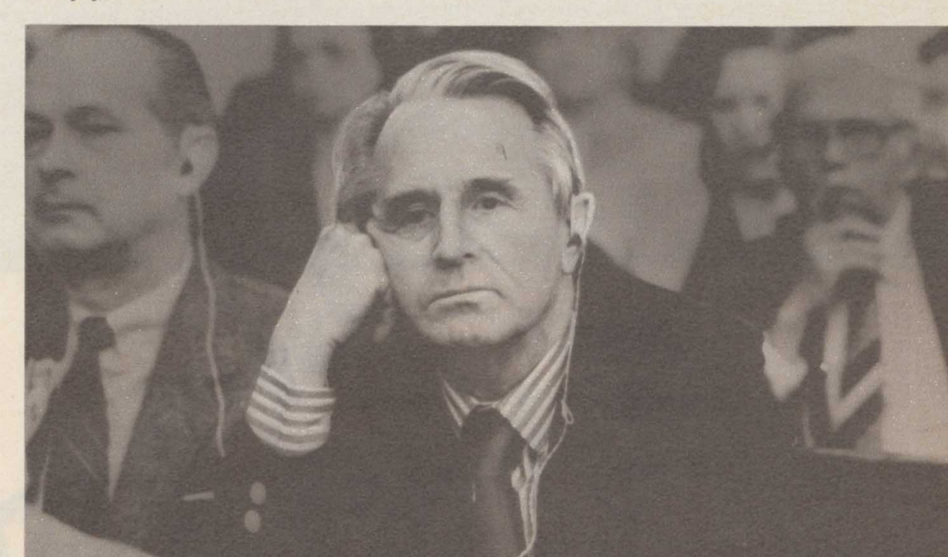
И ВРЕМЯ

С. Залыгин и Г. Бакланов.



В. Карпов и С. Островой.

Д. Кугультинов и В. Быков.



Д. Олдридж (Великобритания).
И. Стаднюк, Г. Абашидзе и Д. Гранин.

В. КАВЕРИН

ОТ СЛУЧАЯ К СЛУЧАЮ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ИМПРОВИЗАТОР

Эта история связана с одним талантливым литератором, который никогда не лгал, если считать, что то, о чем он рассказывал, происходило не в действительности, а в воображении. Впрочем, действительность и воображение находятся в сложных отношениях, которые испокон веков изучают философы и историки, пытаясь отличить выдумку от правды.

У моего приятеля был оригинальный ум: хотя истина в его историях всегда как бы аккомпанировала выдумке, чтобы расслышать этот аккомпанемент, нужно было обладать абсолютным слухом, а я даже в молодости не мог отличить одного Баха от другого. Кроме того, он украшал выдумку невероятными подробностями, любовался ею, радостно смеялся, когда она удавалась или, точнее, когда ему казалось, что она удается, а ведь это почти одно и то же. Почти всегда выдумка была только поводом, и его в полной мере удовлетворяла эта несложная цель. При этом его нельзя было упрекнуть в том, что он считает себя необыкновенным человеком, существующим главным образом для того, чтобы рассказывать необыкновенные истории. Напротив, он играл в своих рассказах более чем скромную роль. Это была даже не ложь, а импровизация, причем талантливая импровизация, в особенности, когда ему удавалось слегка придержать свое воображение.

Окончание. См. «Огонек» №№ 25, 26.

У Шукшина есть превосходный рассказ о вдохновенном лжеце, который всегда повторяет одну и ту же историю о том, как он задумал убить Гитлера и убил бы, если бы не промахнулся. «Я стрелил...— Бронька роняет голову на грудь, долго молча плачет, оскалился, скрипит здоровыми зубами, мотает безутешно головой. Поднимает голову — лицо в слезах... С ужасом говорит: — Я промахнулся». Упомянув об этом рассказе, я невольно вспомнил очерки Писемского «Русские лгуны». В одном из них некто Вакорин утверждает, что он может остановить беговые дрожки, засунув руки в передние колеса, а ноги — в задние. Взбешенный хозяин предлагает ему доказать свою правоту. Кучер отпускает лошадь, и Вакорина поднимают с переломанной ногой. Это ложь скучная, хвастливая, ничем не напоминающая вдохновенных импровизаций моего друга. Кстати сказать, я всегда поражался тому, как они не вязались со всем его обликом скромного, талантливого, демократического человека. Но, как это ни странно, без этих рассказов ему как бы чего-то не хватало.

Это было, если не ошибаюсь, в пушкинские дни 1937 года. Мы ехали в Михайловское. Один вагон был предоставлен потомкам поэта, и трудно поверить, что все они — или подавляющее большинство: инженеры, врачи, учителя, солдаты — были чем-то похожи на Пушкина. А некоторые (впрочем, с помощью пышных висков, несколько напоминавших бакенбарды) пытались подчеркнуть это сходство.

В нашем купе, кроме меня, были известный артист Берсенев, менее известный, но не менее талантливый историк литературы Александр Леонидович Слонимский и какой-то поэт с бородой, который устроился на верхней полке и проснулся, когда мы уже подъезжали к Пскову.

Мой Р. долго бродил по коридору, выбирая достойных послушать его рассказы. Наконец, он заглянул в наше купе, и все мы ему обрадовались. Его любили.

Принесли чай. Берсенев, тогда еще молодой, в изящной дорожной куртке, не поленился принести из буфета пиво. Начался поначалу приятный, занимательный вечер. Сходство потомков Пушкина, шагнувшее через три или даже четыре поколения, заметили все — и подивились, что среди них не было, по-видимому, хотя бы одного значительного в своей области человека. Впрочем, солдат, кажется, писал стихотворения в прозе.

— По-видимому, африканские черты очень устойчивы,— заметил Берсенев.

Р. по этому поводу рассказал любопытную историю, как Эдгар По в своем блуждании по свету забрел в Санкт-Петербург. И Пушкин по цвету его ногтей узнал, что он потомок чернокожих. Мы слушали с интересом, хотя я с трудом удержался, чтобы не спросить, почему эта знаменательная встреча не отразилась в печати. О том, что Эдгар По был белый американец, никто из вежливости не сказал. Но так или иначе, это была история, как бы связанная с пушкинской годовщиной.

Потом Р. несколько неожиданно рассказал о своей встрече с тигром — где, как вы думаете? На Биржевом мосту. Тигр, оказывается, принадлежал знаменитому индусу Тогаре, и Р. приготовился к неизбежной смерти, потому что ни на мосту, ни на набережной не было ни одного милиционера, который мог бы спасти Р. Но, к удивлению нашего друга, тигр не только не набросился на него, а, напротив, вежливо протянул ему лапу.

— Хищник был загипнотизирован,— объяснил Р.

Я не в первый раз слышал эту историю. Однажды он рассказал ее при Евгении Шварце, и тот немедленно начал убеждать, что подобная история случилась и с ним: он на днях шел по мосту Лейтенанта Шмидта и встретил — кого, как вы думаете? Львицу. Р. обижался, но ненадолго.

Но в тот вечер мы все как один сделали вид, что поверили ему, только Слонимский спросил, какую лапу — правую или левую — протянул тигр.

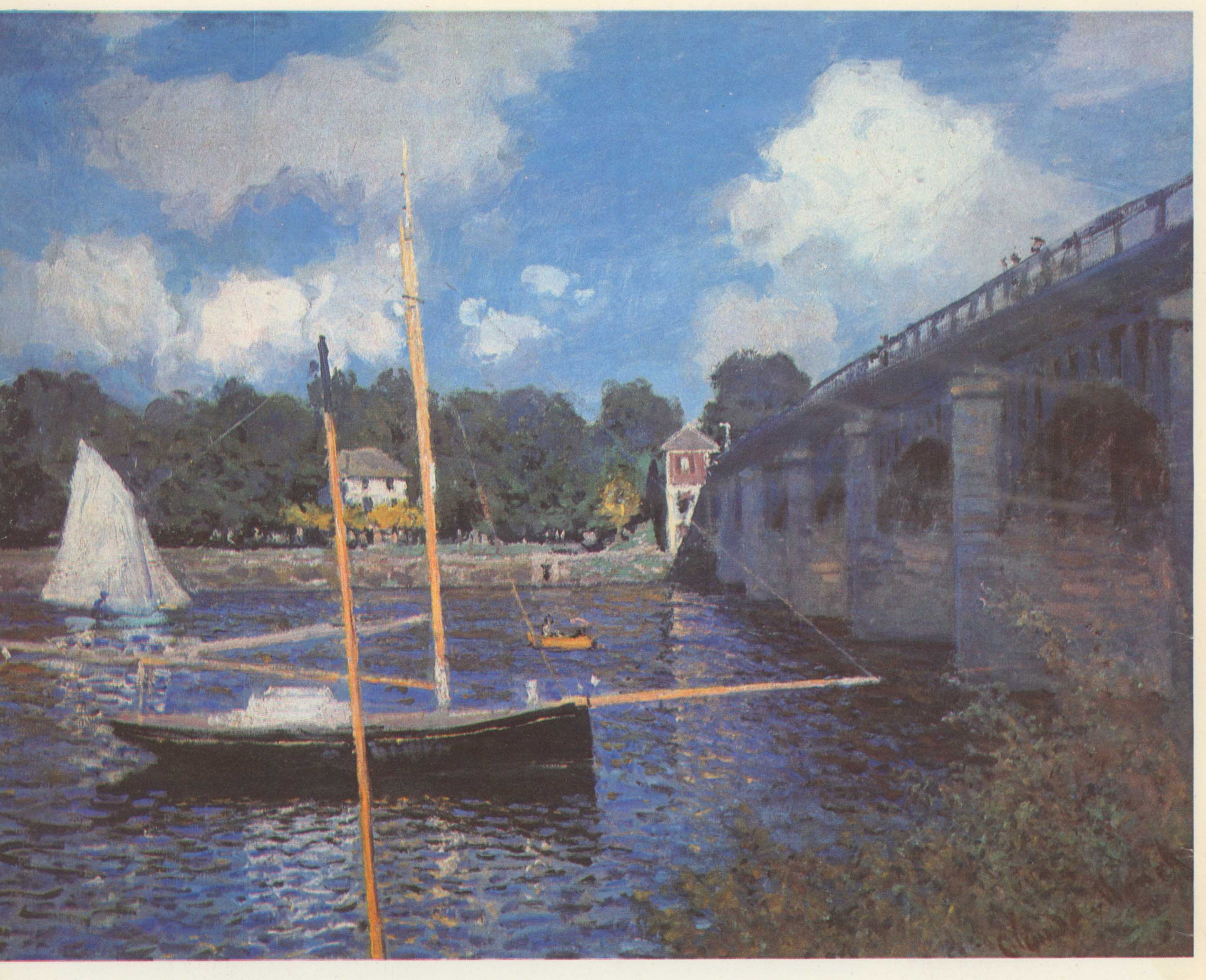
— Конечно, правую, — поспешно ответил Р.

Потом он почему-то рассказал о том, как в припадке безумия Тулуз-Лотрек отрезал себе ухо. На этот раз он был в двух шагах от правды, потому что один гениальный художник действительно отрезал себе ухо и действительно в припадке безумия, но это был не Тулуз-Лотрек, а Ван-Гог. Причем он украсил эту историю интересными подробностями. Отрезав ухо (Слонимский спросил, правое или левое), Тулуз-Лотрек, оказывается, послал его брату в Париж, сопроводив запиской: «Вот что принесет тебе счастье»; в то время как на деле Ван-Гог, завернув его в бумагу, подарил девушке из публичного дома в Арле.

«Во лжи, как и во всяком другом творчестве, есть своего рода опьянение, нега, сладострастие,— писал автор «Русских лгунов»,— а то откуда же она берет этот огонь, который зажигает у человека глаза, щеки, поднимает ее грудь, делает голос более звучным?» Р. был именно таким вдохновенным лжецом. Как истинный художник, он рассказывал свои невероятные истории более для себя, чем для

К. Моне. 1840—1926. СУДА НА СЕНЕ В РУАНЕ. 1872.

Национальная галерея искусств, Вашингтон



К. Моне. МОСТ В АРЖАНТЕЙЕ. 1874.

Национальная галерея искусств, Вашингтон

других, бескорыстно, искренне, прямодушно. И при этом нельзя было отказать ему в таланте, и даже в незаурядном таланте. Проза его была лаконична и правдива. Очевидно, с пером в руке он становился другим человеком.

...Давно пора было ложиться спать, предстоял утомительный день, а он все рассказывал и рассказывал. Был третий час, когда я вышел из купе и в коридоре встретил его жену, известную певицу, изящную женщину, которую тоже знали и любили в литературных кругах.

— Игорь у вас? — спросила она, хотя не только знала, что Игорь у нас, но легко могла догадаться об этом по моему утомленному лицу.

— У нас.

— Гоните его спать, — заботливо сказала она.— Он легко устает от контактов.

Когда я вернулся, Р. рассказывал, как известный врач, изучавший народные методы лечения, выкачал всю кровь из человека и пациент как ни в чем не бывало встал и пошел.

— Может быть, не встал, а сел? — осторожно спросил державшийся лучше нас Берсенев.

— Нет, пошел, — упрямо возразил Р., но поправился, подумав: — А может быть, сел. Я припоминаю: именно сел.

В четвертом часу он, как всегда бодрый и свежий, ушел, пожелав нам доброй ночи. Светало. Я проводил его и вернулся. Берсенев уже спал — очевидно, он умел засыпать мгновенно, а Слонимский... Он не побледнел, а позеленел. И выглядел, точно собирался... В русском языке немало выражений, чтобы передать его состояние: «отдать концы», «сыграть в ящик», «дать дуба» и т. д.

— Что с вами, Александр Леонидович?

Он беспомощно помахал рукой.

— Там, наверху...

— Что наверху?

— Капли... В чемодане...

Я достал чемодан, открыл его и вынул маленькую аптечную склянку.

— Сколько капель?

Он судорожно зевнул.

— Плесните без счета.

Я провозился с ним до утра. Он легко уставал от контактов.

АПЕЛЬСИНОВЫЙ ШИФОНЬЕР

Это было зимой 1920 года. Я жил в Ленинграде, у Тыняновых, сперва в маленькой неудобной квартире на первом этаже, с окнами, выходящими на двор, а потом в большой шестикомнатной, принадлежавшей до революции статскому советнику Барцу. Квартира была брошена, постели взрыты. Розовый пеньюар валялся в туалете на полу. В безвкусной, белой с золотом спальне драконы извивались на японской шелковой ширме. В кабинете стоял письменный прибор в русском стиле. Чернильница, изображавшая голову бородатого богатыря в шлеме и нож-бердыш для разрезания бумаги.

Окна выходили на Греческий проспект и на Пятую Рождественскую (а теперь Советскую). Квартира была на втором этаже. Впервые в жизни я получил отдельную комнату. Под окном этой комнаты теперь висит мемориальная доска с изображением гусиного пера, которым уже полтораста лет никто не писал, и надписью, извещающей, что «здесь жил Юрий Николаевич Тынянов».

В комнате стояли письменный стол, тяжелые неудобные кресла и невысокий желтый шифоньер из апельсинового дерева, очень тяжелый. Внизу, за откидывающейся дверцей, помещалось белье. Наверху — узкие и длинные ящички, набитые исписанной бумагой.

Осенью я поступил в университет и немного позже в Институт восточных языков. Тогда я еще не знал, что у меня нет лингвистических способностей, и думал, что арабский язык так же трудно, как мне, дается моим товарищам по разряду. (Разрядами в институте назывались факультеты.) Но у меня было молодое упрямство и живое воображение. Мне хотелось стать дипломатом. Меня не пугала смерть Грибоедова. У меня не было никакого представления о самом себе, и незнание своей внутренней жизни подчас толкало меня на неожиданные поступки. Таким поступком был мой арабский язык. Я не представлял себе, что дипломат должен уметь думать одно, говорить другое, а делать третье, в зависимости от обстоятельств.

Уставая, я открывал апельсиновый шифоньер и перелистывал связку писем или тетрадей. В верхних ящиках лежали детские тетради с клякспапирами на цветных ленточках, прикрепленных облаткой, поучительные немецкие книжки с засушенными между страниц цветами. Пониже — письма от подруг, украшенные смеющимися таксами, полишинелями, подковами счастья. Я нашел застегивающийся тагебух в змеиной коже с ежедневными, а потом все более редкими записями, оборвавшимися в 1914 году.

Это было то, что на языке историков называется «частным архивом». Можно было из года в год проследить, как Варенька П-ва, сестра жены статского советника Барца, постепенно превращается в Варвару Николаевну, преподавательницу женской Мариинской гимназии. В одном из ящиков хранились письма ее учениц: «По естественной истории мы начали все сначала, то есть с сотворения мира»... «На практических занятиях Николай Михайлович предложил нам воспитать молодых тараканов...»

Но потом что-то изменилось в жизни барышни из почтенной русско-немецкой семьи: «Дорогая Варвара Николаевна! У нас в гимназии все горевали, узнав о Вашей болезни. Надежда Егоровна тоже сперва говорила, что Вы больны. Но потом сказала, будто Вас арестовали на границе Финляндии за провоз каких-то прокламаций. Мы не поверили, но она сказала, что на Вас была юбка с бесчисленными карманами, куда Вы запрятали бумаги, и что будто Вы были не больны, а два месяца просидели в одиночном заключении...»

Любовных писем было много, даже среди тетрадок пятого класса. Приват-доцент Риттих писал из Берна, Лондона и Мадрида — на аккуратных полях быстрой женской рукой были разбросаны иронические замечания.

Зима была солнечная, голодная и холодная. Мы воровали дрова из штабелей, сложенных вдоль университета. И хотя это было трудно — могли застрелить, — еще труднее было дотащить их до Пятой Рождественской. Салазок не было, мы впрягались в самодельную упряжь. Дрова упирались, как живые.

Университет, арабский язык, литература... Казалось, что в этой тесноте для Варвары Николаевны не было места. Но я не забывал о ней.

Теперь я знал о ней довольно много. Она окончила философский факультет в Берне и шоферские курсы в Париже. Она была знакома с Инессой Арманд. Ей писали портнихи, сельские старосты, художники. Она была нужна всем. В апреле 1917 года она вернулась в Россию.

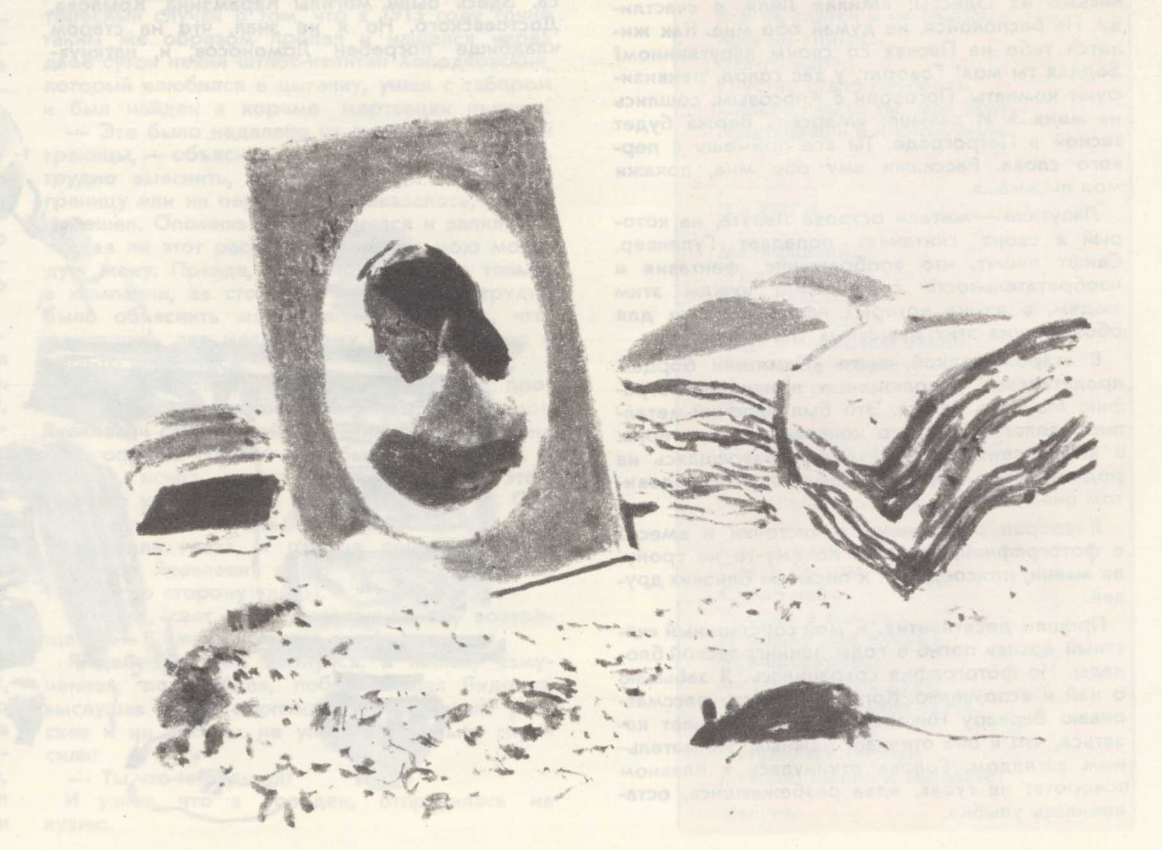
Я нашел ее фотографию — низко заколотые волосы, причесанные на прямой пробор, почти прямая линия лба и носа, необычайная женственность в плавном повороте головы, в разрезе умных и нежных глаз. Чехову, писавшему о красавицах, захотелось бы написать и о ней.

Управдом Виноградов сообщил, что Барц приезжает на днях. И он действительно приехал — длинный, вежливый, лысеющий, улыбающийся, осторожный. Он объяснил, что у него нет претензий, тем более что, являясь латвийским подданным, он имеет постоянное местопребывание в Риге. Но это местопребывание в настоящее время пустует, потому что он и его семья не могут, к сожалению, воспользоваться мебелью, оставшейся в Петрограде. Он приехал за мебелью — и только.

Его крепкий нос с белым кончиком время от времени вздрагивал: от страха или отвращения? Мы были для него бандой опасных оборванцев, ворвавшихся в его обжитой, уютный, чистенький дом.

Опьяненный тем, что его имущество сохранилось, он танцующей походкой расхаживал по квартире, объясняя нам значение семейных реликвий.

— Эта музыкальная шкатулка, играющая не-



сколько старинных пьес, была подарена моей жене, когда она была еще ребенком.

— Эти цветы, сделанные, как видите, очень искусно, я подарил своей теще в день ее семидесятипятилетия.

Цветы были дрянные. Вместо пестиков в них торчали свечки.

— Ровно семьдесят пять! — с восторгом объяснил Барц.— Вы можете сосчитать. Не больше и не меньше.

Три дня он вывозил мебель, и в коммуне становилось все пустыннее, все веселее. В комнатах, которые стали теперь огромными и светлыми, почему-то хотелось петь, расхаживать большими шагами. Солнце, прежде тонувшее в портьерах, в мягкой пыльной мебели, рванулось в окна и разыгралось вовсю. Воздух стал чувствовать себя заметно лучше. Не хуже самого господа бога Барц ускорил для нас приближение весны.

Я принес ему письма Варвары Николаевны. Он сказал, что это была необыкновенная личность — женщина-деятель, женщина-революционер. Лично он, Барц, уважает ее как свояченицу и революционера. Она уехала за границу и там тоже работала для революции, так что мы (он сперва сказал «вы») должны быть ей благодарны. Он, Барц, не знает, где она находится в настоящее время, но думает, что она, к сожалению, едва ли жива. По-видимому, она уже не жива, потому что прошел слух, что она действовала среди французских моряков, высадившихся в Одессе. Но действовала неосторожно, и в результате, к сожалению, ее, по-видимому, расстреляли. Необыкновенная личность, и притом красивая женщина — вот что особенно интересно! Жена очень плакала, очень рыдала. Он, Барц, тоже рыдал, потому что это потеря, большая потеря.

Он говорил вибрирующим от нежности голосом. Белый кончик носа блестел. От всей души он поблагодарил меня за то, что я сохранил ее письма.

— Вы получите от моей жены признательное послание,— сказал он.

Дорогая мебель была отправлена в Ригу, а отслужившая сложена в темной комнате за кухней. Барц уехал, и жизнь пошла своим чередом.

Я не получил признательного послания от супруги Барца. Он не вернулся, и было решено извлечь из темной комнаты мебель. Управдом Виноградов лично взломал дверь. В комнате пахло пылью. Мебель была сложена до потолка. На полу белели маленькие мягкие горки бумаги. Это был архив Варвары Николаевны, съеденный мышами.

Среди сохранившихся листков я нашел ее письмо из Одессы: «Милая Леля, я счастлива. Не беспокойся, не думай обо мне. Как живется тебе на Песках со своим лапутянином? Бедная ты моя! Говорят, у вас голод, реквизируют комнаты. Поговори с Аносовым, сошлись на меня...» И дальше: «Марсель Вержá будет весной в Петрограде. Ты все поймешь с первого слова. Расскажи ему обо мне, покажи мои письма...»

Лапутяне — жители острова Лапута, на который в своих скитаниях попадает Гулливер. Свифт пишет, что воображение, фантазия и изобретательность совершенно чужды этим людям, в языке которых нет даже слов для обозначения этих душевных способностей.

В старой редкой книге «Памятник борцам пролетарской революции...» я нашел биографию Марселя Вержà. Это был рабочий-металлист, делегат Третьего конгресса Коминтерна. В конце сентября 1921 года, возвращаясь на родину через Норвегию, он утонул в Ледовитом океане.

Я собрал разрозненные листочки и вместе с фотографией, которую почему-то не тронули мыши, присоединил к письмам близких друзей.

Прошли десятилетия, и мой собственный «частный архив» погиб в годы ленинградской блокады. Но фотография сохранилась. Я забываю о ней и вспоминаю. Когда я подолгу рассматриваю Варвару Николаевну, мне начинает казаться, что и она отвечает нежным, внимательным взглядом. Голова откинулась в плавном повороте; на губах, едва разбежавшись, остановилась улыбка.

ЭКЗАМЕН

Девушка, в которую я был влюблен, срезалась на экзамене по историческому материализму. Ее звали Лидочка Тынянова. Через три месяца я женился на ней, и мы прожили более или менее счастливо шестьдесят лет. Но тогда она еще была моей невестой.

Профессор Серебряков спросил ее, кто будет продавать товары, когда мировая революция увенчается полной победой. Она не ответила. Оказалось — приказчик. Вопрос был предательский, и когда подошла моя очередь, я вошел в аудиторию с целью убить профессора или по меньшей мере сказать ему, что он подлец. Короче говоря, я тоже срезался. И чтобы утешиться, мы отправились в парк Народного дома, чтобы покататься на американских горах.

Сессий в то время не было, экзамены можно было сдавать когда угодно, но предметы третьего курса нельзя было отложить на четвертый. И весной я отправился снова сдавать исторический материализм, на этот раз другому профессору, фамилию которого я забыл. Мы были уже женаты и снимали комнату у Соломона Яковлевича Лурье, известного не только тем, что он окончил университет с золотой медалью за монументальный труд «Беотийский союз». До встречи с ним я не знал, что можно окончить университет с медалью.

Ничто не говорило в нем о том, что это был знаменитый, глубокий ученый. Он был быстр, смешлив, остроумен, подвижен и необычайно скромен. Работал он всегда. Его большой письменный стол был от края до края завален латинскими, греческими и египетскими рукописями, и он отрывался от них, только когда неотложные житейские дела не давали ему возможности работать.

Осталось немного дней до отъезда в Гумоласары (где мы вместе с Тыняновыми собирались провести лето), когда я поехал на Старо-Невский сдавать экзамен по историческому материализму. Этот предмет читал нам теперь другой профессор. Не помню, почему я не сговорился с ним по телефону.

— Нет дома,— сказала мне пожилая заспанная тетушка в голубом халате.— Скоро вернется.

От дома, где он жил, было десять минут до Александро-Невской лавры, и я решил заглянуть на кладбище, чтобы посмотреть на надгробия работы знаменитого скульптора Мартоса. Здесь были могилы Карамзина, Крылова, Достоевского. Но я не знал, что на старом кладбище погребен Ломоносов, и, наткнувшись на его могилу, вспомнил стихотворение, в котором этот всегда интересовавший меня поэт, историк, физик, химик, философ, механик и математик бродит по кладбищу, разыскивая свою могилу:

Не помнит сам, где был похоронён
Раб божий Михаил, пиита Ломоносов.

Долго бродил я по кладбищу, и, когда наконец вернулся к своему профессору, оказалось, что он уже побывал дома, пообедал и снова уехал, пообещав вернуться к вечеру, часам к шести.

Я тоже был голоден, но на мои шестьдесят или семьдесят копеек можно было купить только французскую булку и кусок — впрочем, изрядный — ливерной колбасы. Перочинным ножом я разрезал булку, намазал ее колбасой и съел, запив свой обед бутылкой кваса.

Ехать домой не стоило. Было уже три часа, и тащиться со Старо-Невского проспекта на Петроградскую сторону мне не хотелось. Что делать? Еще меньше мне хотелось возвращаться к надоевшему учебнику исторического материализма Бухарина.

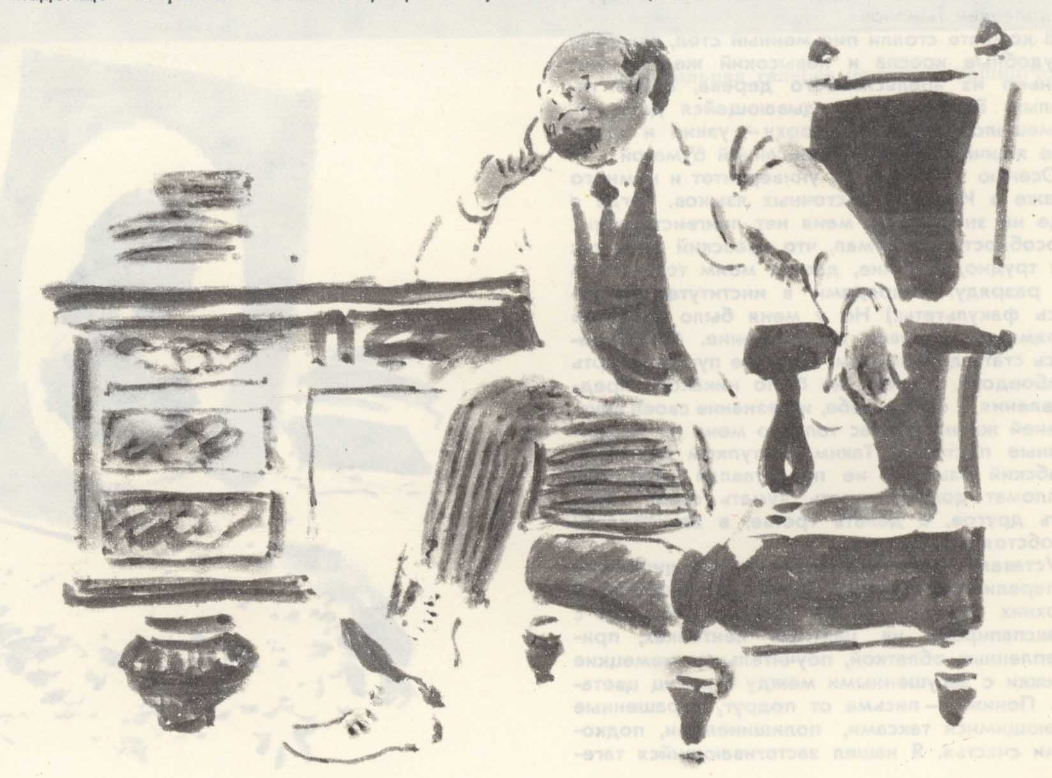
На этот раз я проник в Свято-Троицкий собор, который был почему-то открыт, и рассмотрел великолепный мраморный иконостас с иконами — это я узнал через несколько лет — Рубенса и Ван-Дейка.

Бродить по лавре мне наконец надоело, и я, хотя со стихами было навсегда покончено после безжалостного отзыва Мандельштама (сказавшего, что от таких, как я, надо защищать русскую поэзию), все-таки стал сочинять давно задуманную балладу. В ней рассказывалось, как я потерял свою тень. Ее купил у меня некто Шваммердам, фантастический герой моих трагедий в стихах и казавшихся мне превосходными рассказов. Он объясняет причину этой странной покупки:

Племянник мой — он в аде крыши мазал —
Вотще лишился тени долговязой,
Она пристала к краске навсегда.
Как наших мест старинный посетитель,
Вы мне свою взамен не продадите ль?
Что скажете? И я ответил: «Да».
Взвились крыла, и тень взвилась за ними...

Так начиналась баллада. А кончалась она строками:

Так мне рассказывал приятель мой Каверин,
И город каменный качался за спиной.



К шести часам я кончил ее, так и не придумав, чем заменить неудачные строки.

Профессор ждал меня. Тетушка в голубом капоте сказала ему, что я заходил к нему дважды. Он оказался человеком, который решительно не походил на Серебрякова. Тот был высокий, с энергичным, жестким лицом, из матросов, кажется, из ГПУ, и экзамен напоминал допрос. Этот, напротив, был маленький, толстенький, добродушный. Прежде, чем приступить к историческому материализму, он пожелал осведомиться, откуда я родом, кто мои родители и почему я решил стать филологом, вопреки известной поговорке:

...филолог
Часто ходит без сапог.

Узнав, что я из Пскова, он долго рассказывал о впечатлении, которое произвел на него этот старинный город, а спросив о братьях и узнав, что два старших участвовали в гражданской войне, особенно заинтересовался их не совсем обычной судьбой.

Он был поражен, когда я, увлекшись, рассказал ему, что мои родители развелись после тридцатилетнего брака, и пожелал выяснить, в чем же была причина этого редкого шага. О сестрах он меня тоже расспросил и от души пожалел младшую, которая, переиграв руку, должна была отказаться от блестящей карьеры знаменитой виолончелистки.

Словом, мы добрались до моего больного дяди, брата матери, известного пианиста, когда он как-то случайно вспомнил о цели моего посещения.

— Ах, да, исторический материализм,— сказал он.— Дайте-ка мне ваш матрикул.

Не задумываясь, он поставил мне ВУД (весьма удовлетворительно) и добродушно спросил:

— Вы не хотите чаю?

Я снова был голоден и не отказался бы от чая, к которому, может быть, тетушка в капоте подала бы сладкое печенье или по меньшей мере хлеб с маслом. Но шел уже девятый час, и хотя я давно думал, что надо было бы позвонить моей молодой жене из автомата, но почему-то не получалось — автомат был далеко, у Московского вокзала. Да и о чем беспокоиться? Ведь я чувствовал себя прекрасно.

Между тем на Петроградской стороне происходили драматические события, о которых я даже не подозревал.

Лидочка ждала меня к обеду. Но я не вернулся ни к двум, ни к трем часам. Она еще не очень беспокоилась, но уже ничего не могла делать, не думая обо мне. У Соломона Яковлевича была молодая, симпатичная, хлопотливая, молчаливая жена и хорошенький годовалый мальчик с такими же короткими ручками и ножками, как у отца, и с таким же добродушно-ироническим выражением крошечных губок.

Он еще почти не говорил, но родители утверждали, что он уже начинает острить.

В свободное время Лидочка любила возиться с мальчиком, но он спал, и оставалось только ходить из угла в угол и убеждать себя, что со мной ничего не случилось. Без меня обедать ей не хотелось, она взялась за какой-то роман и оставила. Не читалось.

Наконец позвонили. Она бросилась в переднюю. Но это была Гуля Ижбердеева, моя однокурсница по Институту восточных языков. Гуля бывала у нас, мы вместе готовили уроки, обедали, и теперь она принесла нам в благодарность французскую булку. Ее отец служил дворником, был строг, бережлив, детям выдавал по пяти копеек в день, и Гуля, без сомнения, истратила на эту булку свои карманные деньги.

Лидочка поблагодарила, Гуля ушла, и снова началось хождение из угла в угол, в конце концов обеспокоившее Соломона Яковлевича, который в соседней комнате занимался своими переводами из Пиндара или Гесиода. Он постучался, вошел и, найдя Лидочку в слезах, стал уверять ее, что со мной ничего не могло случиться. Но шел уже шестой час, и они на всякий случай решили навести справки в милиции. Отделение было далеко от дома, и, пока они шли, Соломон Яковлевич развлекал свою спутницу древнегреческими анекдотами о Сократе и его ворчливой Ксантиппе. Сократ, оказывается, был бездельником, который любому труду предпочитал беседу с первым случайно встретившимся прохожим. Так что Ксантиппа, которая вошла в историю, как сварливая, несправедливая дама, отравлявшая жизнь своему мужу, была совершенно права.

В отделении сказали, что о моем местопребывании никаких сведений не поступало, но что на Церковной улице в садике застрелился студент. Трудно было предположить, что я, только женившись и любя свою молодую жену, решился бы без всяких причин на этот трагический поступок. Но Лидочка не ушла из милиции, пока начальник отделения не позвонил куда-то по телефону и сказал, что застрелился не студент, а турист из Праги, Станислав Ружичка, и что, стало быть, это происшествие никакого отношения ко мне не имеет.

Что делать? Лидочка пыталась по телефону узнать адрес профессора, которому я должен был сдать экзамен, но звонить в университет было уже поздно и оставалось только ждать, выбегая в переднюю на каждый звонок и убеждаясь, что это пришел не я, а контролер, чтобы записать показания счетчика, или трубочист, чтобы выяснить, почему Соломон Яковлевич угорел, хотя задвижка в его огромной, выложенной глазурными изразцами печке была вовремя закрыта.

Теперь беспокоились все: и сам Соломон Яковлевич, и его жена, и его друг, занимавшийся, помнится, расшифровкой забытых письменностей и языков, и даже, по-видимому, младенец, отказавшийся есть и пить.

Шел девятый час, когда Соломон Яковлевич вдруг вспомнил, что Лидочка и он ходили в отделение милиции соседнего района. С этой неожиданной догадкой он постучал к Лидочке, и они снова пошли в милицию. Дорогой они встретили тестя Николая Тихонова, бывшего генерала Лучивка-Неслуховского, известного тем, что он был первым генералом царской армии, перешедшим на сторону революции, и читавшего теперь лекции милиционерам. Высокий, представительный, еще нестарый, носивший смешанную генеральско-милицейскую форму, он принял горячее участие в розысках исчезнувшего друга своей дочери. Николай Тихонов был женат на Марии Константиновне Лучивка-Неслуховской.

В отделении знали генерала. Все пришло в движение, когда он появился, и, хотя дежурный с первого слова сказал, что обо мне в отделении ничего не известно, сразу же начались телефонные переговоры. Осталось неизвестным, кому в течение получаса звонил дежурный, но выяснить ему ничего не удалось.

В утешение генерал рассказал Лидочке интересный случай о том, что в 1913 году точно таким же образом пропал и нашелся через двое суток некий штабс-капитан Холодковский, который влюбился в цыганку, ушел с табором и был найден в корчме мертвецки пьяным.

— Это было недалеко от русско-германской границы,— объяснил генерал,— и было очень трудно выяснить, перешел ли он с табором границу или не перешел. Но оказалось, что не перешел. Опомнившись, вернулся и запил.

Едва ли этот рассказ обнадежил мою молодую жену. Правда, я немного пил, но только в компании, за столом с друзьями, и трудно было объяснить мое исчезновение тем, что, женившись два месяца тому назад, я успел в кого-то влюбиться.

Генерал горячо пожелал нам успеха, простился на углу Зверинской улицы, и Соломон Яковлевич с Лидочкой отправились домой. Она шла, опустив голову. Она была в отчаянии. Я пропал, исчез, может быть, погиб — в этом для нее уже не было никакого сомнения. Она старалась не плакать, но непрошеные слезы затуманили глаза, и она не поняла, почему Соломон Яковлевич вдруг быстро перебежал на другую сторону улицы.

— Свет, свет, свет! — закричал он, возвращаясь.— В вашей комнате свет!

Я действительно вернулся, и милая, измученная, похудевшая, побледневшая Лидочка, выслушав мой торопливый, бессвязный рассказ и ни словом не упрекнув, только спросила:

— Ты что-нибудь ел?

И узнав, что я голоден, отправилась на кухню.

Сергей ПИТИРИМОВ

СЕВЕР

Где б я ни был —
Всюду,
Постоянно
Об одном судьбу свою молю,
Чтобы сквозь снега
И сквозь туманы
Людям смог прорезать колею,
Чтобы нарты
День и ночь скрипели,
Чтобы не настиг в пути недуг,
Чтоб года
Летели,
Как метели,
И от них
Захватывало дух!

●

Снег пошел лениво, сонно,
Спотыкаясь и скользя.
Был такой он тихий, словно
Знал, что здесь шуметь нельзя,
Словно он пришел из сказки
И услышал за версту,
Как сопит малыш в коляске,
Соску двигая во рту.

ОЖИДАНИЕ

Неизбывной дороги остуда
Разметает сырую листву.
Я живу ожиданием чуда,
Ожиданием чуда живу.

Буду помнить тебя я повсюду
И всегда золотой назову.
Я живу ожиданием чуда,
Ожиданием встречи живу.

Отзовись, мы ведь близкие люди,
Появись, как во сне наяву.
Я живу ожиданием чуда,
Ожиданием песни живу.

●

Дождик шарит по стене,
Чтоб во тьме не оступиться.
Он идет всю ночь,
А мне
Все не спится и не спится.
Мне не спится...
Как-то вдруг
Грустно стало поневоле,
Словно где-то ты, мой друг,
Пропадаешь в чистом поле!

ПАХОТА

Мальчишкой
Я порадовался мигу,
Когда весною
После голодухи
Плуг в чернозем вошел,
Как нож в коврижку,
И начал резать
Поле
На краюхи.
Я счастлив был,
И все мне было просто,
Все сделалось причудливо-
прекрасно:
Сияла мать моя,
Сияли сестры,
Сияло небо
Высоко и властно.
И только дед Кузьма
Ворчал сурово:
— Плуг — хоть куда,
А вспашка — мелковата...
И вновь с утра
Сутулилась корова,
Ступая тяжело и виновато!

Калуга.

Перестройка

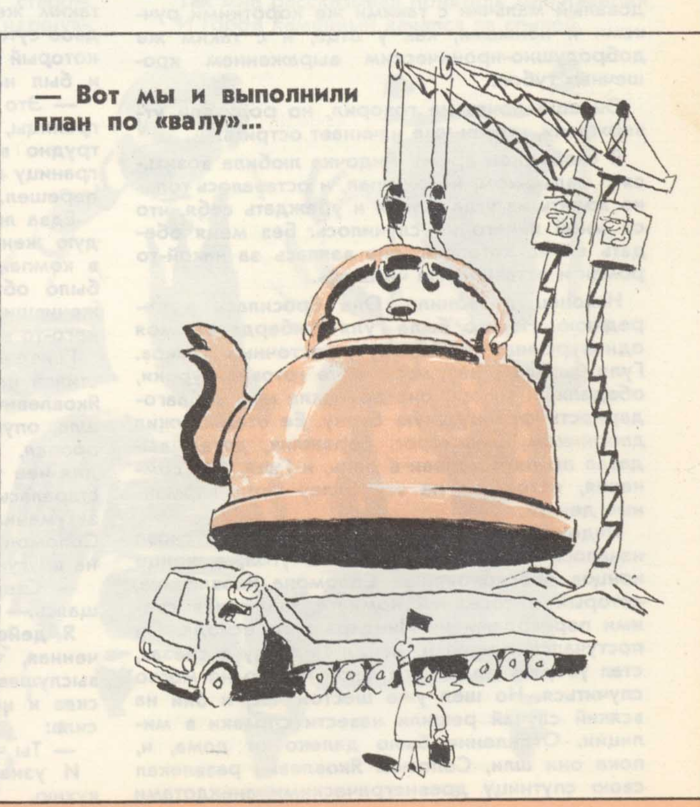
Устаревшая технология

Бюрократизм

Рутина

Что нам мешает?..

— В своем проекте я применил оригинальное решение...



— Вот мы и выполнили план по «валу»...

КОММЕНТАРИЙ ХУДОЖНИКА Ю. ЧЕРЕПАНОВА К МАТЕРИАЛАМ ИЮНЬСКОГО ПЛЕНУМА ЦК КПСС

1. «Миллиарды рублей затрачивались на замену устаревшего оборудования. Тем не менее должного эффекта зачастую не получали. Одна из главных причин того — низкое качество технических проектов. Нередко в них предусматривались малоэффективная технология и отсталая организация труда, обновляемая техника от прежней частенько отличалась лишь годом изготовления».

2. «Речь идет о пресловутом «вале». Задания по валовым показателям в различной форме являются одними из главных при оценке деятельности отраслей, регионов, предприятий. А раз это так, то ради увеличения «вала» зачастую используются дорогостоящие материалы, нагоняется вес машин, накручиваются тонно-километры, раздувается внутрихозяйственный оборот и т. д.».

3. «Словом, привыкли работать с бумагами, а не с людьми, да и на людей смотреть через бумаги».

4. «Немалая часть предприятий попрежнему допускает прямые потери ценнейшего сырья и продуктов. В факелах бесполезно сжигается ежегодно 13 млрд. кубометров попутного нефтяного газа».

5. «Вместе с тем обстановка в строительстве остается неудовлетворительной, процесс перестройки затягивается».

ЖИТЬ ПО СОВЕСТИ

А Бетховен оказался не нужен

Александр ЩЕРБАКОВ,
собкор «Огонька»

Приближался день свадьбы, указанный на пригласительном билете. Что подарить молодоженам? Вопрос в наше время далеко не праздный, все больше занимал меня. Посоветуюсь-ка с приятелем. Тем более приглашение получил и он. Позвонил. Трубку сняла его супруга. И сразу внесла ясность:

— А вы что, не знаете?! На свадьбу теперь деньги дарят.

— Как?! Деньгами, известно, помогают. А дарить деньги...

— Сколько угодно! Кладут в конвертик и вручают... Двадцать пять рублей — тариф. Кто больше — пожалуйста!

— Неловко, по-моему... Вроде милостыни получается. Или пожертвования. Раньше на погорелое место жертвовали... На сирот...

— То раньше... А теперь на свадьбу дарят. И берут. Говорят, что так практичнее. Подарок то ли пригодится, то ли нет, а деньги наверняка пригодятся.

— Ага, значит, ритуалу придается коммерческий характер: уважаешь — гони монету! Конкретная экономика на службе у Гименея!

— Вот именно!

— А добрые традиции...

— Традиции вышли из моды.

...Рискуя оказаться непонятыми, мы с женой все-таки купили подарок. Альбом пластинок — Бетховенские шедевры. Будь что будет!

Пришли на свадьбу. Смотрим: приглашенные выстроились в очередь поздравлять новобрачных. По мере приближения достают конверты. И ...либо на поднос, либо в карман молодому. Этакая торжественно-финансовая операция, направленная на укрепление только что родившейся семьи.

А я-то со своим Бетховеном... Куда его?! На поднос, рядом с капиталовложениями?.. Несовместимо! Очередь подошла, отдал в руки. И поспешил раствориться в нарядной толпе.

Настроиться на праздничный лад в тот вечер так и не удалось. Все чудилось, что мы на каком-то мероприятии. Оформили двое граждан документы на право образовать ячейку, именуемую в обществе семьей, и позвали народ, чтоб внес достойный вклад по поводу вышеупомянутого акта.

Торжество было в разгаре, когда мы незаметно покинули свадьбу. По дороге домой старомодно рассуждали о подарках. Кто это придумал делить их на ценные и скромные?

Воображение нарисовало картину: отшумело застолье, и молодожены, переведя дух, старательно пересчитывают купюры и прикидывают, совпадает ли оприходованная сумма с той, какую предполагали взять с приглашенных на свадьбу. А Бетховенский альбом... Молодым, теперь нам стало ясно, не до него. Не вписывается он в новый обряд, принятый в этом «клане».

Вот так-то!

Отчего же, однако, въелся в нашу среду этот всепоглощающий коммерческий интерес? Не от бедности же! Какая там бедность, когда на иную свадьбу до полутораста человек, а то и поболе скликают! На пиршества тысячи отваливают! «Глядите все, как шикарно живем! Потому что современны, практичны».

Такова она примерно, философия, отбрасывающая сплошь и рядом всякие понятия о человеческом достоинстве, гордости, фамильной чести. И не только на свадьбах.

...Прилично одетый мужчина назойливо надоедает людям, выходящим из вагонов поезда дальнего следования: «Скажите, вам билет не нужен?» Не предлагает. Наоборот. Сам хочет заполучить. Коллекционер? Совершенно верно. «Коллекционирует» незаработанные деньги. Приписал к служебной командировке несколько дней, а чтоб в отчете все сошлось и на сумме соответственно отразилось, потолкался полчасика на перроне с непринужденно протянутой рукой: «Подайте, граждане, собрату, рвущемуся удовлетворить свои постоянно растущие потребности!»

И ведь «подают» сердобольные, подают, кому не нужно отчитываться в железнодорожных расходах. Жалость? Сочувствие? Что ими движет? Не знаю. Знаю, что самый страшный из мотивов — безразличие к способам обогащения.

Заработок и мораль... Вроде бы мораль тут и ни при чем. Честно заработал — получи, истрать по своему разумению или сбереги. Есть, однако, у заработанных денег своя нравственная стоимость. Она не обозначена на ассигнациях, ее не проставляют в ведомостях, но она имеет огромную силу, потому что влияет на психологию человека, а стало быть, на психологию общества. «Для нас далеко не безразлично, какими путями и средствами достигается улучшение материальной и духовной жизни, к каким социальным последствиям оно приводит». Это из Политического доклада ЦК КПСС XXVII съезду КПСС.

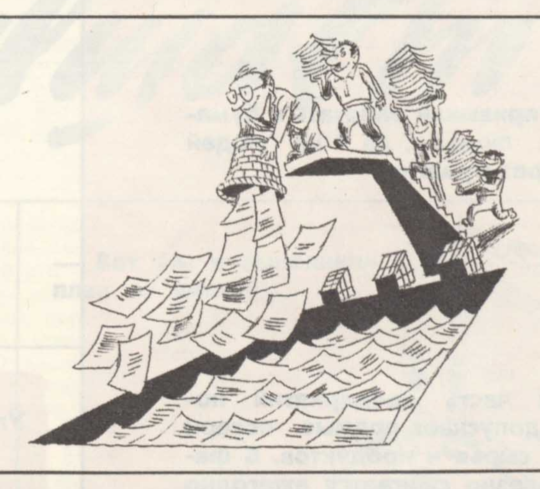
...Коллектив одной из лучших школ Минска расстался с преподавателем физкультуры. К профессиональному уровню ни у кого претензий не было. А вот моральные принципы...

Преподаватель нанимался по совместительству в дворники, ночные сторожа и рабочим в магазин. Не то чтоб нужда заставила: получал

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

О. ПЕТРИЧЕНКО,
собкор «Огонька»

ВПЛАВЬ ПО БУМАЖНОМУ МОРЮ



Положил я в сумку мохнатое полотенце, подстилку, плавки и отправился на пляж возле Петропавловской крепости. Добирался туда от дома больше часа, а добравшись, поспешил в... ближайшую баню. Ибо, окунувшись в Неву, немедленно приобрел нефтяные разводы по всему телу...

Лишь через неделю решил искупаться еще раз. Выбрал для этой цели нечто менее судоходное — пруд. Имелся у меня на примете заветный, с детства памятный уголок, всего в десяти минутах езды на электричке. Заброшенный карьер, отгородившийся от окружающих полей зарослями ивняка, издавна славился чистейшей водицей. И вот я поспешил на встречу с детством. Увы, дорога туда оказалась усыпанной битыми бутылками, мусором, старыми шинами. Бывшие поля поросли жилыми кварталами. Гаражи подступили к берегам, которые превратились в свалку. Пруда, собственно, не было, он зарос, затопорщился какими-то железобетонными островками, металлоконструкциями. Среди них барахтались чумазые мальчишки.

— Здесь и голову недолго сложить,— посочувствовал я двоим, сколачивавшим на берегу утлое плавсредство из щитов «Купаться строго воспрещается!». Отвечали они резонно: «За город родители не пускают. А ближе ничего нет...»

День я потратил на то, чтобы объехать водоемы центральной части города. И в Московском парке Победы, и в парке имени 30-летия ВЛКСМ, в Таврическом саду, равно как и в иных местах, меня встречали не пляжи, а предупредительно-заградительные щиты, грозившие ослушникам штрафом. Привольно чувствовали себя лишь чайки, лебеди да любители народной гребли. А граждане в плавках топтались на берегах, боязливо трогая раскаленной ногой воду.

— Отчего так? — поинтересовался я у садово-паркового руководства.

Сослались на запреты санэпидстанции. Запретов могло и не быть, займись то же самое руководство не отговорками, а расчисткой, облагораживанием вверенных им вод. Как, скажем, поступили с бывшим карьером возле Сосновского лесопарка. Здесь из пустыря да оврага получилось превосходное место отдыха!

Четыре с половиной миллиона ленинградцев могут пользоваться услугами всего лишь... десяти — двенадцати пляжей. На каждом в выходные дни в среднем должно размещаться этак по двести — триста тысяч человек! Причем все пляжи, за исключением упоминавшегося (возле Петропавловской крепости), находятся на окраинах. До Сестрорецкого побережья, например, надо добираться час на электричке да еще топать пешком. Вот тебе и Нева с Финским заливом!

Взрослые могут позволить себе круизы по выходным дням, а каково мальчишкам и девчонкам, проводящим часть лета в городе? Убежденные, что микроб не крокодил, под воду не утянет, они внимания не обращают на всякие там щиты и запреты санэпидстанций. И готовы плескаться в любой луже. К сожалению, хорошо известно, чем иногда оканчиваются такие беспризорные купания.

Как же быть? Даже если бы свершилось чудо и некий волшебник вернул бы прудам первоздан-

он не меньше своих коллег. Просто потянулся за добавочной копейкой, которая, как известно, лишней никогда в доме не оказывается. Греха в том никто не приметил. Но коллеги усмотрели потерю педагогического достоинства, нежелание или неумение усвоить высокий смысл педагогической деятельности. В самом деле, мысли, поступки, образ учителя неотделимы от его знаний и опыта, и, если он, учитель, плохо ведет свой жизненный урок, ему нечего делать в школе. Ученики пристально, даже придирчиво наблюдают (если не сказать: следят) за своими наставниками; их речь, одежда, манера держаться, образ жизни обсуждаются, оцениваются, впитываются. Вот почему этика общественного положения не рекомендует педагогу носить в свободное время ящики с вином, так же как не рекомендует воспитателю общежития торговать на рынке (пусть даже плодами своего труда), а преподавателю вуза гоняться на своем автомобиле за левыми доходами. Хотя это вовсе не значит, что работать в магазине, или на такси, или торговать — занятия недостойные, порочащие человека. Между прочим, школьный учитель, преподаватель вуза, воспитатель общежития, если они не покуркульски заинтересованы в совместительстве, всегда найдут работу, дающую возможность применить с пользой для общества и для себя и свой профессиональный багаж, и свою энергию, и свою инициативу.

Но откуда, откуда же все-таки берется неразборчивая, всеядная предприимчивость? На какой почве прорастает она, позволяет некоторым людям не брезговать в погоне за «длинным рублем» никакими средствами? Откуда это циничное пренебрежение нормами поведения?

Да, мы заслужили право жить хорошо. Заслужили жертвами и потерями в войнах, верой в то, что лишения вовсе не вечные спутники нашего бытия, как стараются внушить нам зарубежные «благодетели»; заслужили терпением, готовностью отказывать себе во многом ради государственных интересов, оптимизмом... Но чем лучше становилась жизнь, тем заметнее проявлялись очень коварные, опасные для человека попутчики — жадность, рвачество, слепое преклонение перед роскошью, зависть, мелочность, страсть к наживе любой ценой... Мы долго стыдились или из соображения ложного патриотизма не хотели признать, что в наше общество могут внедриться такие пороки. Теперь признаем: настала пора эти пороки выкорчевывать.

Интересы коммунистического воспитания требуют основательной переделки общественного сознания, очищения социальной психологии от чуждых нашей идеологии влияний. Практические шаги предприняты во всех сферах. Но стиль жизни нельзя изменить сразу, еще сложнее преодолеть инерцию в мышлении. Эффективные пути, радикальные средства еще искать да искать.

Важные средства воздействия—авторитет общественного мнения и сила закона. А всегда ли мы тверды, всегда ли последовательны и принципиальны, когда надо использовать то и другое? Пример коллектива минской школы, что приведен выше, заслуживает похвалы. Есть, однако, примеры иного рода.

На 1 января 1986 года задолженность по квартплате в Минске (имеется в виду жилой фонд местных Советов) составила 135 тысяч рублей. Понятно, горжилуправление не сидело сложа руки: были оформлены 9612 так называемых нотариальных записей на должников «со стажем» более трех месяцев, кроме того, послано 98 390 предупреждений, оформлено 1120 дел для передачи в народные суды, послано 2675 писем по месту работы неплательщиков, в качестве меры наказания отключено 1856 квартирных телефонов.

Помогло ли? Если сравнить с данными на 1 января 1984 года, должников стало даже больше. Правда, увеличился и жилой фонд города, и, следовательно, число квартиросъемщиков. Но факт фактом: явление не исчезло. Значит, меры, принимаемые государством, недостаточны, значит, силами общественности (2675 писем ушло в коллективы!) здесь не обойтись.

Ах, как нам порой мешает этакая стыдливая деликатность по отношению к тем, кто не уважает государственные порядки, не желает считаться с нормами социалистического общежития и понимает демократию, как право делать все, что заблагорассудится, и никому не позволять в том препятствовать! 3484 посещения на дому неплательщиков значатся в тех же документах горжилуправления за 1985 год. Цель? Разъясняли. Что разъясняли?! Уговаривали? Зачем уговаривали?! Почему государственная организация должна кланяться нарушителям узаконенных порядков?! Зачем культивировать это развращающее милосердие?! Зачем, когда есть все основания употребить власть?

А как дружно у нас защищают порой нечестных, оправдывают недобросовестных только потому, что не хотят брать на себя моральную ответственность за неблагополучие в коллективе, особенно если это грозит потерями баллов в соревновании и лишением премиальных. (К слову: премиальные, полученные незаслуженно, пора бы расценивать как незаконный заработок и осуждать подобное обогащение как антиобщественное действие.)

Пора сформулировать более строгие требования к таким доброхотам. И вместе с тем не прощать административного усердия, которое обнаруживают нередко руководители разных рангов, когда общественное мнение не совпадает с их амбициями, симпатиями и расчетами.

Мы признаем огромное воспитательное значение хорошего примера в общественной и личной жизни, в исполнении гражданского долга. Хорошие примеры у нас, к счастью, не редкость, и воздействие их на людей проявляется во всей нашей повседневности. Проявляется щедро, ярко. А рядом с ними, как ни досадно, живут дурные примеры. Живут, потому что питательная среда обеспечивает им и существование, и влияние. Пример родителей, превративших дачный участок в источник откровенной, бесцеремонной наживы, гости в доме, которых ублажают и забавляют, потому что они влиятельны и могут посодействовать, замолвить словечко, облагодетельствовать лакомой подачкой; карьеристская пронырливость, лизоблюдство, мздоимство, ханжество — ведь это все своеобразные взносы в копилку, откуда наследники берут капитал на строительство «нравственных и моральных устоев»...

И снова мысль о пассивности общественного мнения, которая будто усыпила иные коллективы. Как эту пассивность вытравить? Как привить заинтересованность во всеобщем нравственном здоровье, нестерпимое и яростное желание за это здоровье бороться? Бороться всем миром, как говорили прежде. XXVII съезд КПСС задал тон, определил ориентиры. Бороться, безусловно, стало легче. Но не проще. Словом, каждый должен начинать с себя.

ную свежесть, разом вычистив все водоемы парков, то и тогда проблема не была бы решена. Слишком велик спрос.

Нужны бассейны.

Компактные, легкосборные, безупречные с точки зрения гигиены. Например, такие, что выпускает опытное предприятие при управлении спортивных сооружений спорткомитета Ленинграда. Видел их в пионерских лагерях поселков Усть-Нарва, Лосево, Смолячково. И всегда удивлялся простоте конструкции. Никаких дорогостоящих фундаментов, замысловатой сантехники. В любом удобном месте прямо на земле монтируются металлические панели! В них укладывается резиновая гидроемкость, подключаются несложные устройства для очистки и хлорирования воды... А габариты вполне приличные.

Казалось бы, что мешает установить их? Пусть не в каждом дворе, хотя бы в каждом парке. Тем паче что цена подобного сооружения — чуть больше 20 тысяч — по карману любой организации.

Еще более лаконичную конструкцию разработали на экспериментальном заводе спортивного судостроения — модульный бассейн из стеклопластика в девять квадратных метров. С его сборкой быстро и легко справляются всего два человека; вес и размеры позволяют устанавливать ванну на любом этаже, использовать ее в детском саду, сауне, где угодно. Стоимость — около двух с половиной тысяч рублей. «Тираж» (по не зависящим от завода причинам)... 20 штук в год!

Одним словом, интересные разработки в Ленинграде есть. Есть на них и спрос — заявки поступают из многих городов страны.

Увы, за три года опытное предприятие изготовило всего около трех десятков бассейнов, а сейчас свернуло эту работу не по своей вине.

— Слишком трудно добывать металл, а особенно резину, — сетует главный инженер В. Л. Лукcеп.— Да и отношение к нам со стороны планирующих организаций оставляет желать лучшего...

Прямо скажем, завод (сто человек) небольшой, а выпуск бассейнов для него — занятие непрофильное. Дело держалось на энтузиазме, а не на серьезной материально-технической основе. «Профиль» — хоккейные коробки, ворота, баскетбольные фермы, всевозможная спортивная атрибутика: значки, медали, вымпелы. Массовое производство сборных бассейнов здесь не наладишь.

А без них нельзя серьезно говорить о действительно массовом обучении взрослых и детей плаванию.

Не знаю, откуда нынешние спортивные статистики берут свои впечатляющие данные о массовой сдаче норм ГТО. Предполагаю, что есть в оптимистических цифрах, мягко выражаясь, неточность. Как, скажем, можно у нас в Ленинградской области научить чему-то путному ребенка, если за все лето пребывания в пионерлагере он зачастую всего только шесть — восемь раз допускается к воде? И не потому, что вода должным образом для обучения плаванию не подготовлена, а потому, что она «холодная», судя по инструкциям, которыми руководствуется тетя доктор. И неважно, что рядом с лагерем плещутся «дикие», не охваченные медицинским надзором дети. За тех отвечает случай, а за пионеров — инструкции.

Сколько нужно бассейнов? Ни в одном строительном, архитектурном НИИ точной, отвечающей реальной потребности цифры мне назвать не смогли. В ЛенНИИпроекте в качестве примера привели Будапешт. Там имеется около 2500 подобных сооружений. Однако прикиньте, сколько в городе школ, детских садов, яслей, пионерлагерей, поликлиник, баз отдыха, стадионов, парков, где бассейны отнюдь не были бы лишними? Хорошо, что в Москве, Ленинграде, Ростове-на-Дону, Киришах, Кингисеппе теперь строят ясли и сады с бассейнами. Строят их и в десятках городов, поселков, где только можно. И все-таки радует в данном случае порыв, но не темпы. Потому что по-настоящему удовлетворить спрос смогут лишь легкосборные, недорогие бассейны, а не нынешние капитальные, крытые, стоимость которых превышает треть миллиона рублей. Да и сооружение их порой затягивается на годы. Требуемые бассейны выпускают сейчас два принадлежащих ОСВОДу предприятия. Сто восемьдесят штук в год. Вот и прикиньте, сколько веков понадобится, чтобы удовлетворить спрос хотя бы городов, которых у нас более двух тысяч?

Устав «выбивать» нужные материалы, ленинградцы нашли выход: совместно с объединением «Пластполимер» разработали проект рукотворного водоема. В нем остродефицитная резиновая емкость заменена ванной, сделанной из полиэтиленовых листов. Это весьма перспективная модель. Полиэтилен в отличие от резины вечен, он не испытывает неудобств от воздействия хлорированной воды. Ванны из него можно сваривать любые — большие и маленькие, для семьи на садовом участке и для детсада, для небольшой спортсекции или... для олимпийского бассейна. Правда, на такой гигант ленинградцы не замахивались, а вот небольшой бассейн для детского сада сделали. И поместили его под столь же дешевую, легкую крышу из алюминия.

А потом... все это уникальное экспериментальное сооружение попало под крышу складскую! И вот уже около двух лет не может из-под нее выбраться... На заводе тем временем идут заявки из других городов: многие прослышали об интересной новинке! Так ли уж сложно удовлетворить их? Полагаю, что при соответствующей заинтересованности и поддержке со стороны Спорткомитета СССР на этот вопрос можно было бы ответить положительно. Простота конструкции ленинградского бассейна внушает оптимизм. Увы, Спорткомитет, как дипломатично заметили на предприятии, не проявляет должной инициативы. И потому смелые замыслы проектировщиков остаются на бумаге. А мы, рядовые любители плавания, на суше.

ДОЖДЬ НАД ЯБЛОНЕВЫМ САДОМ

Юрий **ЛУШИН.**
Фото А. НАГРАЛЬЯНА

огда наши яблони зацветут и начнут плодоносить, я уже не буду директором,— сказал Аксиньин, но печали в его голосе я не уловил.— Попрошусь тогда в этот сад сторожем...

Конечно, Владимир Устинович подтрунивал над собой, хотя мне известно было, что недавно он перенес инфаркт: и пуск нового угольного разреза «Восточный» дался ему нелегко, и возникали проблемы, для решения которых часто требовались сверхусилия. Владимир Устинович остановил машину в степи специально, чтобы показать мне, как он выразился, «электроды»— прутики саженцев. Будущие яблони. Вдали виднелись монументальные очертания углекопов двадцатого века — роторных экскаваторов. Сравнение тоненьких яблонек с электродами я услышал впервые. Я смотрел на торчавшие из земли живые «электроды», на только что лопнувшие первые почки и понимал: сады закладывают там, где собираются жить долго и прочно. Сады обещают жизнь. Это и был ответ Аксиньина на вопрос, надолго ли хватит запасов угля разреза «Восточный».

— Здешнего уголька хватит и внукам, и праправнукам нашим. Но и мы не хотим оставаться в долгу перед ними. Оставим сад! Нынче высадили тысячу саженцев. А всего посадим тысяч десять... Не углем единым жив шахтер!

Поехали дальше. Постепенно контуры «Восточного» обретали четкость. Я неоднократно бывал на угольных разрезах Экибастуза, поэтому картина, открывавшаяся передо мной, не удивляла. И все-таки чего-то в ней не хватало... Перед спуском в разрез стоял щит: «Горняк, помни: каждую минуту «Восточный» дает на-гора 16 тонн угля. Береги минуту!»

— Устарел плакат,— прокомментировал директор.— Минута здесь потяжелела. Тонны на три, а со временем потянет еще больше...

Мы шли по пласту угля к роторному экскаватору, когда я наконец понял, какого штриха мне недоставало в привычной картине: здесь не было ни тепловозов, ни вагонов, ни рельсовых дорог, по которым традиционно вывозили сырье. Здесь дно разреза прочертили нити мощных конвейеров...

Идея транспортировки угля на поверхность конвейерами возникала в Экибастузе лет двадцать назад. Но при тогдашней добыче угля ковшовыми экскаваторами она была как бы преждевременной. Иное дело теперь, когда пришла роторная техника. Однако экскаваторам фирмы «Такраф» (ГДР) экибастузский пласт оказался не по зубам. Тогда казахстанские горняки предложили усилить целый ряд узлов, а на ротор, который сильно вибрировал при добыче, навесить вдвое больше ковшей и сделать его центробежным. Дело наладилось! Так в тесном содружестве родился великолепный роторный экскаватор, способный за час добыть четыре с половиной тысячи тонн угля.

И хлынула угольная река.

Однако на пути ее то и дело возникали пороги. Один из труднопреодолимых — постоянный дефицит вагонов для вывоза топлива. Нет вагонов — великан простаивает. Бывало, что и по многу часов...

— Кроме того, экскаватором невозможно загружать вагоны точно по весу, как того требуют железнодорожники,— объяснил машинист, бригадир комплексной бригады Юрий Иванович Голоус.— Например, сыпанешь меньше семидесяти тонн — обидишь потребителей, премии лишишься за недогруз. Сыпанешь больше — обрадуешь энергетиков, зато рискуешь навлечь гнев железнодорожников за порчу вагонов... Так и крутились между двух огней. Теперь у нас на «Восточном» весь уголь наверх доставляют конвейеры. А погрузку в вагоны производят дозировочные устройства. Автоматически и точно.

— Была и другая проблема,— добавил машинист экскаватора Тагир Джармухамбетов,— уголь даже в двух соседних вагонах мог оказаться разного сорта, разной зольности. Это лихорадило работу котлов на ГРЭС. Угольный пласт в разрезе имеет прослойки пустой породы. Слоеный пирог! Никак не отрезать, чтобы каждая порция была одинаковой. Не получалось. И всегда в одном вагоне было пустой породы, а значит, и золы больше, чем в другом. Нашли выход. С пуском усреднительно-перегрузочного комплекса решили и эту проблему...

— Такой комплекс пущен в нашей стране впервые,— уточнил Владимир Устинович.— А соединив его с роторной добычей, конвейерной транспортировкой и дозаторной отгрузкой угля, наш «Восточный» стал уникальным предприятием. В мире такого нет. Оттого и предприятие наше носит титул опытно-промышленного. Мы тут отрабатываем все элементы новой технологии для проектируемых и сооружаемых разрезов на КАТЭКе и в Кузбассе. С выходом на проектную мощность производительность нашего разреза увеличится вдвое...

— У меня впечатление, что вы счастливый человек. По крайней мере все первоначальные проблемы одолели...

— А кто сказал, что отсутствие проблем — это счастье? Я счастливый, потому что занимаюсь своим делом. Что же касается проблем... Вот взгляните на сводку суточной добычи: вчера мы выдали сорок тысяч тонн угля, позавчера — только двенадцать. Думаете, у нас в тот день что-то сломалось? Нет. Просто нам не дали вагонов под погрузку. Это «просто» наш бич...

— Конечно, мы можем добывать и добывать уголь, используя промежуточные склады, но ведь они не резиновые! Сейчас у нас их два. Ну, будет четыре... При отсутствии вагонов все четыре позволят нам качать уголек трое суток. А потом?.. И вот мы стоим часами! А требуем от горняка дорожить минутой! Ясно, что внедрение новых технологий должно тотчас подкрепляться организационно. Только тогда будет достигнут наивысший экономический эффект...

Вот еще одно больное место. Разрез создавался пять лет, но только с пуском производственных мощностей те же строители начали... закладывать фундамент под административно-бытовое здание. Позже позднего. И пока шахтерам негде переодеться. Негде вымыться после работы. Негде просто передохнуть... Остается нерешенной и жилищная проблема. Вместо трехсот обещанных квартир нам выделили только тридцать. Почему? Да потому, что жилья, как водится, построили меньше, чем нужно: все силы бросали в свое время на производственные объекты...

По-прежнему министерства и ведомства болеют прежде всего за кубы бетона, за тонны угля. Или за пуск очередного энергоблока на ГРЭС... Болеют за тонны угля любой ценой! Сад посадишь — за это можешь и выговор схлопотать. Строительство так называемого соцкультбыта, как встарь, откладывается и сегодня на потом. Строительство единственной в городе гостиницы (да и Дома культуры) здесь тянулось десять лет! Нет в городе до сих пор ни одного культурно-спортивного комплекса... А город, между прочим, молодежный. Люди на разрез приехали со всех концов страны. В бригаде того же Юрия Голоуса из «Восточного» тех, кому едва за сорок перевалило, всего трое. Трое из восьмидесяти человек! Многим и тридцати еще нет. Красиво работают ребята. А живут как?

...Я стоял в кабине экскаватора. Шел мелкий дождь: ротор почти не поднимал пыли. Зубья ковшей хищно блестели, неутомимо вгрызаясь в глянцево-черную стену. Уголь, этот погасший свет прошлой жизни, с шорохом струился по транспортерам. Машинист Игорь Худяков, направляя стрелу с ротором по плавной дуге, элегантно, словно играл на органе, касался ручек и кнопок управления. И огромная машина послушно отзывалась на эти касания.

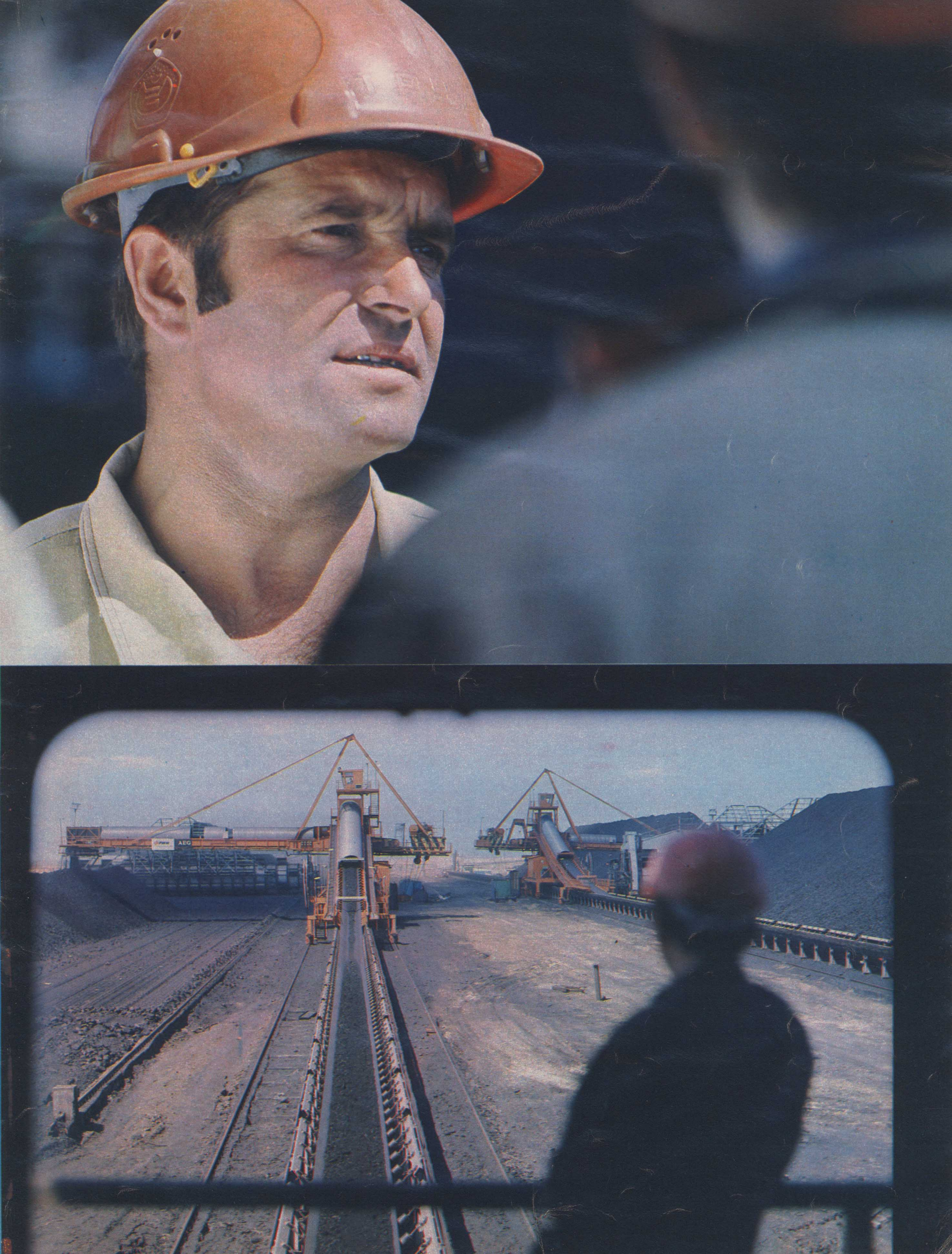
— Дождь,— сказал машинист, обратившись к помощнику Василию Попову,— он, наверное, полезный для наших «электродов»... Как думаешь?

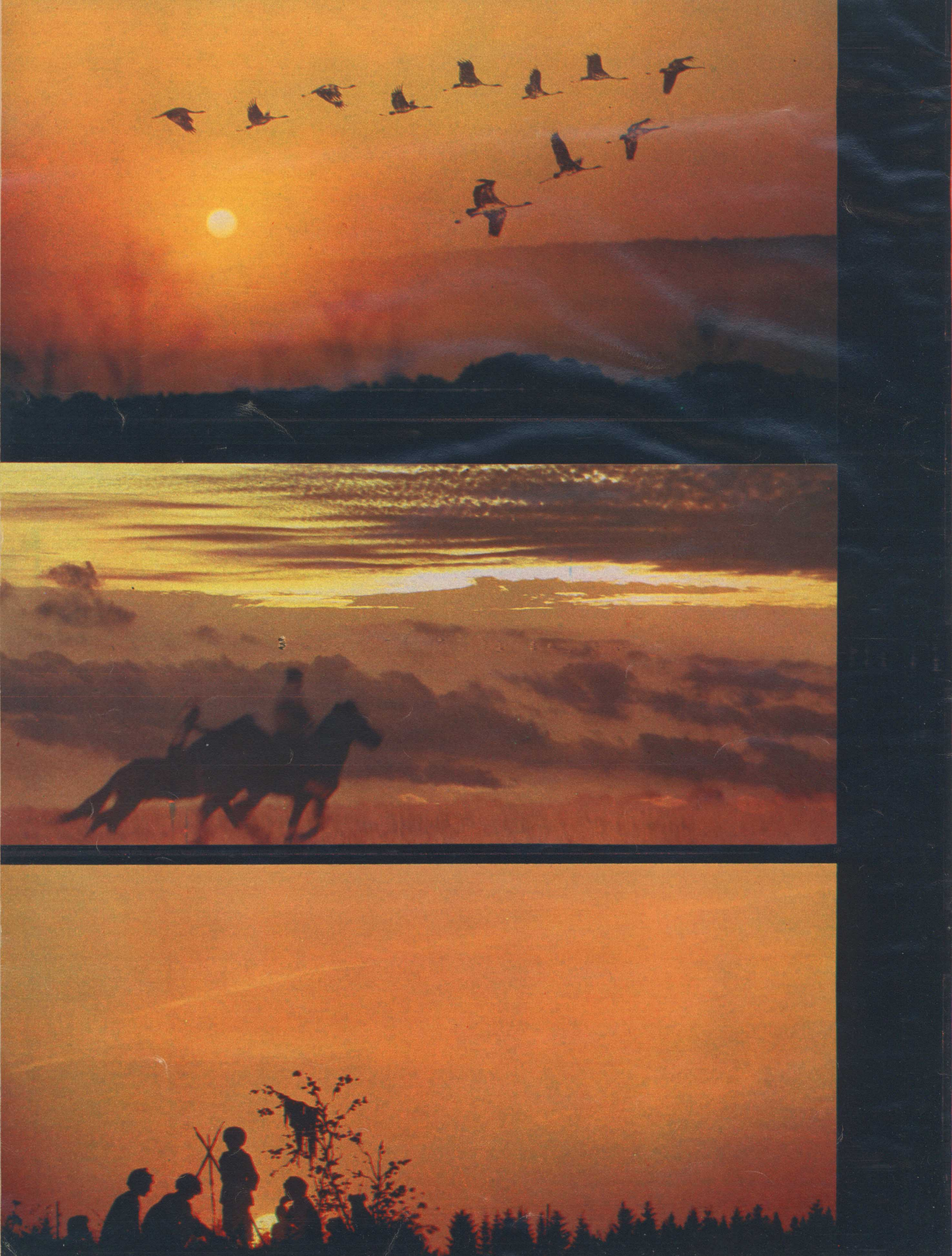
— Теперь они в рост пойдут,— согласился помощник.

Шахтеры думали не только о добыче. Они, молодые, думали о яблонях, которым еще расти, и цвести, и плодоносить. Если бы так думали все!

Разрез «Восточный»: лучший машинист экскаватора — Николай Мичка * Сначала в штабеля, потом во все концы Союза.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Не фантастика — роторный экскаватор * Угольный маршрут * Экибастуз строится * Вкусны степные бублики * Зной не страшен! Машинист электровоза Виктор Первов на садовом участке.


AEG



Виктор **ГОРЯЙНОВ**

●

Ветер белесые длинные-длинные
В небе валы ворошит.
Лето июльскими спелыми ливнями
Мягко по травам шуршит.

За реку смотрят березы,
Где в прятки мы
Раньше любили играть.
Молния, детство ль сверкнуло там
пятками!
Я не успел разобрать.

Где целовались когда-то
украдкою,
Нежности первой стыдясь,
Эти березы с намокшими
прядками,
Может быть, помнят о нас!

Ночи сиянием лунным пронизаны,
Резкая свежесть леска.
Звезды взойдут — и засмотрятся
вниз они,
В речке себя отыскав.

Нет, не смолкает пора соловьиная,
Память года ворошит:
Снова июльскими светлыми
ливнями
Лето, как пряжей, шуршит...

●

Звезды в зеркало плеса метятся,
В тишине рождаются всплески,
И плывет паутинка месяца
Над рябинами в перелеске.

Ночь наполнила ковш Медведицы,
Дремлют звездные коридоры,
И куда-то опять нам едется
Долго-долго и скоро-скоро.

Небо стомиллионной люстрою
Освещает полей убранство.
Одинокие и чуть грустные
Проплывают во тьме пространства.

Полной грудью вбираешь
запахи —
Лето травами нас врачует.
Среди звезд рубиновой запонкой
Самолет в небесах кочует.

●

...Проноситься над темными
плесами,
Их угадывая изгибы,
Ни с вопросами, ни с расспросами,
А шепча лишь одно: «Спасибо».

И, смягчая боль расставания,
В полутьме вагона качаться,
И прощать ему жесткость
названия,
Ведь колеса поют о счастье!

Слушать — ночь коростели
тешатся,
Точно ворот скрипит колодца...
Лето на паутинке держится,
Но она вот-вот оборвется.

Смоленск.

Березки

Фото Виталия ПАНАСЮКА

Настроение

Фото Виталия ЯНА

Бежин луг.

Фото Ю. Кавера

«НАУКА ДОЛЖНА ДЕЛАТЬСЯ В ТЕМПЕ»

За последние пять лет вышли в свет книги лауреата Государственной премии СССР, академика Академии наук Грузинской ССР Элевтера Луарсабовича Андроникашвили о научном творчестве, об ученых, с которыми он работал: «Воспоминания о жидком гелии», «Начинаю с Эльбруса». Обе мгновенно становились бестселлером.

Наш собственный корреспондент ИЯ МЕСХИ встретилась в Тбилиси с академиком Э. Л. АНДРОНИКАШВИЛИ.

— Элевтер Луарсабович! В вашей книге «Воспоминания о жидком гелии» описано, как некий физик, когда вы рассказали ему о результатах одного своего научного эксперимента, воскликнул: «Не может быть!» А вы ответили ему: «Наука — это как раз то, что «не может быть». А то, что может быть,— это научно-технический прогресс».

Позвольте мне «зацепиться» за эту, как вы сами пишете, любимую вашу поговорку и попросить раскрыть ее смысл.

— Научно-технический прогресс основан на логических цепных реакциях, в основе которых, как правило, лежит сумма знаний, уже накопленных человечеством. Лавинообразное развитие логических цепных реакций — процесс, происходящий в коре головного мозга его творцов. Но наука знает и другие процессы творчества — открытия, в основе которых лежит озарение, которое не основано на сумме знаний, уже приобретенных ученым. Озарение — это процесс подсознательный, существенно подкорковый. Коль скоро этот процесс не основан на человеческом опыте и знаниях, то, с точки зрения «знающего» человека, мысль, высказанная в результате озарения, то есть действительное открытие,— это то, что «не может быть».

Открытие, после того как оно сформулировано, обычно вписывается в НТП, становится новым источником логических цепных реакций.

Что касается сегодняшнего состояния научно-технического прогресса, то здесь положение у нас, по-видимому, неблагополучно. Огромная часть промышленности управляется из центра, который дает или рекомендует технические решения для совершенствования выпускаемой продукции. Конечно, институты, расположенные в центре, легче входят в контакт с союзными министерствами. Наука же на местах, как правило, развивается самостоятельно. Поэтому, как мне кажется, во многих случаях научный прогресс оторван от технического прогресса.

Кроме того, наука на местах не может создать достаточного количества и достаточно совершенных опытных полупромышленных установок, без которых контакт с промышленными предприятиями не может быть полноценным. Конечно, есть замечательные исключения, например, Институт электросварки академика Б. Е. Патона в Киеве, институты Сибирского отделения АН СССР. Наука и промышленные предприятия должны быть распределены по стране более равномерно. Как, например, это имеет место в США, где нет пагубного, на мой взгляд, централизма.

— Вы работали в Институте физических проблем у академика Петра Леонидовича Капицы, рядом с такими учеными, как Лев Давыдович Ландау, и другими крупными теоретиками и экспериментаторами. Вы были молоды. У вас все получалось. За три года вы выполнили работы, про которые говорят, что они и через сорок лет продолжают служить развитию науки в разных странах. Эти работы носят ваше имя. Чем объяснить такой высокий темп исследований?

— Наука должна делаться в темпе. Решения должны приниматься быстро.

Наиболее близкое мне ощущение — это ощущение движения. Я не приемлю неподвижность, мне противопоказан медленный темп. Движение, в особенности быстрое движение воспринимается мною физиологически. Если в молодости я наблюдал свободный бег лошади, у меня останавливалось сердце, сжимало горло. Если на спектакле я видел огневой танец, например, Ермолаев — Тибальд и Корень — Меркуцио («Ромео и Джульетта» в Большом театре), мои ноги под креслом выделывали какие-то чудовищные па. Когда я увидел в Лувре статую Ники, олицетворяющую движение, неведомая сила приковала мои подошвы к полу и заставила ноги, руки, торс сделать невольную попытку изобразить движение статуи, запечатленное в мраморе.

В молодости близким мне ощущением была скорость. Потом развилось ощущение ускорения. И это вполне соответствует сущности современной техники: автомобиль, аэроплан, ракета. Важно уметь быстро набрать скорость и быстро ее скинуть. Важно уметь мгновенно переключиться с одной мысли на другую, на третью, на четвертую. В особенности это необходимо организатору науки, который руководит работами в нескольких научных направлениях, да еще строительством, да еще финансами и множеством других дел.

Ощущение движения, скорости, ускорения сопровождает меня, когда я соприкасаюсь с явлениями общественной жизни, в особенности когда я думаю о современной политике нашего государства.

Из книги «Воспоминания о жидком гелии».

«— Это еще что за чертеж? Послушайте, Андроникашвили, вы что? Приехали ко мне в институт специально, чтоб загружать мои мастерские?

— Что вы, Петр Леонидович!..

— Вы, кажется, хотели подготовить у меня в институте докторскую диссертацию?

— Докторскую,— почти неслышно произнес я.

— А я у вас кандидатскую степень отниму...— Тон его голоса все повышался.

— Да за что? — еще тише прошептал я.

— Да за то, что вы не умеете использовать приборы, кстати сказать, сконструированные вами же. Из вашего прибора, наверно, можно еще выжать кучу данных, а вы уже хотите новый заказывать...»

— Вы многому научились у Капицы, очень плодотворно работали, но вот вдруг срываетесь, едете в Грузию ставить там физику на почти голом месте. Приятно быть организатором? Иногда говорят: организатор науки, как правило, человек, исчерпавший себя творчески... Так ли это? Спрашиваю вас об этом не стесняясь, потому что знаю: творчества вы не в состоянии были оставить даже в пору очень бурной организаторской деятельности. Но вы нетипичны. А может быть, типичны? И еще: как вы относитесь к словам «союзный академик» и «республиканский академик»?

— Да! Мне очень хотелось продолжать работать в Институте физических проблем, продолжать быть учеником, сподвижником и другом Льва Давыдовича Ландау. Словом, хотелось быть в этой среде. Но вы, Ия Семеновна, ставите вопрос неправильно. Я не сорвался с места, я, наоборот, цеплялся. Но не зависящие от меня обстоятельства вынудили меня вернуться в Грузию раньше, чем я хотел бы этого. Если бы я не взялся за организацию физики в Тбилиси, то я был бы обречен на безделие.

Как и во всяком деле, у организатора есть неприятные и приятные обязанности. Успех же дела всегда решает вопрос в пользу слова «приятно». Видите ли, в наш век молодым организаторам науки принадлежит огромная роль. Приведу сверхпримеры. Игорь Васильевич Курчатов возглавил титаническую атомную проблему в возрасте 40 лет; Петр Леонидович Капица создал Институт физических проблем, когда ему был 41 год; Юрий Анатольевич Овчинников и Евгений Павлович Велихов стали вице-президентами Академии наук СССР тоже в сорокалетнем возрасте. Я привел примеры суперорганизаторов. Никто из них не исчерпал себя как ученый. Но руководить наукой — это тоже творчество, притом огромное творчество.

Что касается «союзного академика», то он, естественно, обладает значительно большими полномочиями и возможностями, чем «республиканский академик». Но это вовсе не значит, что одни лучше других. Я знаю блестящих ученых в составе академий наук Украины, Грузии, Эстонии, Литвы и очень слабых ученых среди действительных членов и членов-корреспондентов АН СССР. В составе бюро Научного совета АН СССР по радиационной физике твердого тела, которым я руковожу, нет ни одного союзного академика или члена-корреспондента. Но тем не менее это бюро очень активно воздействует на науку и руководит работами 150 научных учреждений.

— Студенческая шутка: «Только физика — соль, остальное все — ноль...» Что значил для вас этот «ноль» — музыка, живопись, театр, литература, наконец? Оказал ли в этом смысле на вас влияние ваш брат Ираклий?..

— Не знаю, что воспитало меня больше — Ленинградский политехнический институт, в котором я учился, Физико-технический институт, организованный академиком А. Ф. Иоффе, в котором я трижды проходил практику, или Ленинградская филармония, которую мы с братом посещали раза два в неделю на протяжении многих лет. Практически каждое воскресенье ходили в Эрмитаж. Был театралом (выборочно) и особенно обязан нашим великим балеринам: Галине Улановой, Марине Семеновой, Екатерине Максимовой. И великому танцору Вахтангу Чабукиани. Сами понимаете: движение!

С Ираклием Андрониковым мы близки так, как могут быть близки братья. Но вкусы в области искусства у нас в общем-то разные.

На меня он оказал огромное влияние — на мой характер с острыми углами. Углы он мне поотрубал.

Из книги «Воспоминания о жидком гелии».

«...Первый аккорд, и на сцене появилась Эсмеральда. Ее исполняла любимая с юности Марина Семенова. Повелительное движение ноги — и огромная радость, живущая в душе и посейчас, охватила всех нас... На следующий день во дворе института мы встретились с Ландау.

— Где вы вчера пропадали? — спросил он.— Я вчера заходил к вам.

— Был на балете, смотрел «Эсмеральду»...

— Воображаю, что вам там показывали,— перебил меня Ландау, не признававший балета. И убежал, не захотев выслушать моих впечатлений...

Много дней подряд просидел я неподвижно в своей лаборатории, положив руки на стол и переплетя пальцы. Много дней подряд слышал один и тот же вопрос Васи Пешкова:

— Ну, Элевтер! Ну почему ты столько дней не работаешь? Глядя на тебя, и самому не хочется ничего делать.

Много дней отвечал ему:

— Я видел Семенову в роли Эсмеральды... Я видел Семенову...

— Ну и что же, что ты видел? Что же, это значит, что ты не должен работать сам и можешь мешать другим?

— Да я тебе не мешаю...

— Нет, мешаешь. Ты сидишь с похоронным видом.

Наконец пальцы мои разжались, руки медленно задвигались, и я меланхолично принялся за писание нового большого обзора».

— Но вернемся к науке. Были ли в вашей последующей деятельности такие же, как в раннюю пору, спрессованные во времени научные события?

— Повторяю, моя принципиальная позиция: наука должна делаться в темпе. В 1950 году мы начали строить своими руками маленькую лабораторию на Эльбрусе, на высоте 3940 метров. Работали как землекопы, плотники, кровельщики. Одновременно создавали оборудование для исследований по физике космических лучей. В 1952 году нами был уже получен значительный научный результат: была открыта новая элементарная частица, из числа тех, что получили в дальнейшем название «странных». Частицы этого типа оказались принципиально важными для современной физики. Таких случаев в жизни нашего коллектива было немало.

Из книги «Начинаю с Эльбруса».

«— А что вы собираетесь делать на нем? — спросил он.

— Прежде всего развивать низкотемпературную физику твердого тела. Да и вообще низкие температуры.

— Вот это задача!..— сказал Курчатов.

— Потом очень хотелось бы создать нейтронное тело...

— Это как же так — нейтронное тело?

Я объяснил.

— Это тоже стоит. Только ведь не сделаешь... Очень большие потоки нейтронов понадобятся.

— Ядерной техникой хотели бы заняться...

— В реакторе ковыряться не дам! — резко отрезал Курчатов и к этому вопросу больше не возвращался.

После того, как мне разрешено было осмотреть аппараты в натуре, Курчатов снова потребовал меня к себе.

— Ну как, выбрали аппарат?

— Выбрал.

— ИРТ или ВВР-с?

— ИРТ.

— А почему, интересно?

— Кадров эксплуатационщиков у меня пока нет, мне нужен аппарат попроще в управлении, но приблизительно той же мощности.

— Правильно, Элевтер! — сказал Курчатов и, почувствовав во мне человека, уже связанного с его коллективом, окончательно стал говорить мне «ты».

— ...Обращайся ко мне по всем вопросам,— наставлял он меня так, как если бы других дел, как сооружение реактора в Тбилиси, у него и не было».

— Коснулось ли вас распространенное среди физиков увлечение биологией?

— Меня всегда интересовал вопрос: чем живая природа отличается от мертвой природы? Что такое жизнь с точки зрения физика? Именно так сформулировал эту проблему в начале сороковых годов гениальный австрийский физик Эрвин Шрёдингер. Но экспериментального решения задачи не было до самого последнего времени. И только в 1985 году мне и моим сотрудникам, и в первую очередь Георгию Мревлишвили, удалось ответить на этот вопрос. Теперь мы знаем (правда, на молекулярном уровне), какими физическими критериями следует оперировать для того, чтобы описать, чем отличается жизнеспособная молекула ДНК от «неродившейся» или уже «мертвой» молекулы.

Много сил отдаю я в последнее время и созданию науки «биофизика рака».

— Если все в науке должно быстро меняться, что остается на долю традиций?

— Традиции не надо понимать как призыв к неизменности. Лучшее проявление традиции в науке заключается в уровне требовательности к себе и к другим, в уровне оценок результатов научного творчества, в стиле мышления.

— Как, по-вашему, организовать условия для «естественного отбора» молодежи в науку?

— А он, этот «естественный отбор», происходит именно естественно. Как это ни странно, молодежь как масса сама выбирает ту область науки, которая начинает развиваться быстрее других и, следовательно, сильнее нуждается в притоке молодых сил.

— Давно как-то вы пригласили меня на высокогорную станцию Цхра-Цкаро, где обосновались «космики» со своими уловительными камерами. Тогда был жив еще ваш многообещающий ученик Гоги Чиковани. Помню атмосферу ваших взаимоотношений с молодежью. Что вы считаете главным в связке «учитель — ученик», исходя из вашего личного опыта?

— Георгий Чиковани осуществил свои обещания. Он вырос в крупного ученого международного класса. К величайшему сожалению, он умер, когда ему еще не было сорока лет. Посмертно удостоен Ленинской премии.

Во взаимоотношениях «учитель — ученик» важно быть на равной ноге. Не бояться, что от критики молодого человека у тебя упадет корона с головы. Не бояться спросить у ученика то, что он понимает лучше тебя. Это вызывает уважение и становится причиной близости.

И еще, а точнее прежде всего во взаимоотношении с учениками необходима научная щедрость. Под этим я понимаю, например, способность подарить идею. Дороже идеи у ученого нет ничего.

Д. С. Лихачев и Л. Н. Гумилев. Кадр из фильма.

ТВ

О «СЛОВЕ»

Стилистика телевизионного фильма «По былинам сего времени» чрезвычайно скромна, если не сказать, скупа. Два-три пейзажных плана ковыльной степи, Путивль, Чернигов и Новгород Великий, древлехранилище Пушкинского дома — вот, пожалуй, и весь антураж, обрамляющий разговор о великом памятнике русской культуры — «Слове о полку Игореве», 800-летие которого отмечается во всем мире.

Никаких альбомных иллюстраций, никаких звонов мечей и свиста стрел за кадром. Да и впрямь нужны ли эти звоны и свисты, раз о гениальном произведении прошлого говорят умные и талантливые наши современники, чье слово о «Слове» самоценно само по себе?

И разговор этот менее всего представляется профессионально узким. Он — о человеческой душе, о том, как сцепляются в ней вместе прошлое и будущее,— одним словом, разговор шел о жизни.

Итак, о «Слове о полку Игореве» размышляют Дмитрий Сергеевич Лихачев, Валентин Григорьевич Распутин, Валентин Лаврентьевич Янин и Лев Николаевич Гумилев,— миллионы телезрителей одновременно получили редчайшую возможность общения на самом высоком интеллектуальном уровне.

В фильме «По былинам сего времени» собрались единомышленники, отлично сознающие цену памяти: «Слово» связало века уже с первых кадров, когда Д. С. Лихачев, стоя на вышке здания Пушкинского дома в Ленинграде и глядя на расстилающуюся панораму великого города, вспоминает блокаду, себя, молодого бойца отряда ПВО: «В «Слове о полку Игореве» сказано, что перед битвой «черные тучи с моря идут». Значит, враги ассоциировались с тучами, нагнетающимися от моря. А море, вот оно, тут. А тучи — это были разрывы бомб фашистских самолетов, которые бомбили Петроградскую сторону».

«Слово» — это прежде всего поэзия, прекрасные созвучия, будто рожденные вместе с русским языком одновременно и не каким-либо автором, но самой природой, как чрезвычайно тонко подмечает В. Г. Распутин: «У меня было такое ощущение, когда я читал первый раз «Слово», что я вспоминал его — я никогда не читал его прежде,— но оно жило во мне, жило с самого рождения».

Очень интересно сказал Л. Н. Гумилев. Зритель узнает, например, что половцы были очень малочисленны в сравнении с русскими, что этот древний народ был весьма заинтересован в дружбе и торговле с Русью и что набеги на нее были связаны не только с половецкой агрессивностью, но и с «экспансионистской политикой одной из партий, правившей Киевом... поэтому киевское правительство держалось антиполовецких позиций, а черниговцы и рязанцы старались восстановить с половцами самые добрые взаимоотношения».

Мысли Л. Н. Гумилева, литературные реминисценции В. Г. Распутина, демонстрация археологических разысканий В. Л. Янина, гражданский пафос Д. С. Лихачева — подлинный пример непредвзятости, научности, образности, смелости в оценке величайшей национальной святыни — «Слова о полку Игореве».

Остается только еще раз сказать о корректности и строгости изобразительного ряда, лишь подчеркивающего серьезность разговора (оператор М. Голдовская) о том, что фильм режиссера Д. Чуковского «По былинам сего времени» отличается талантливым использованием возможностей именно телевидения, способного дарить нам радость соприкосновения с древним искусством и пользу непосредственного общения с замечательными современниками.

А. БАСМАНОВ

Домой пришел я добрый и веселый

Известный шведский писатель Ларс Алин (родился в 1915 году) — автор многих романов, которые в сороковых годах получили заслуженную популярность и были отмечены национальными и международными премиями. Значительны и интересны сборники его новелл «Ничьи глаза не ждут меня», «Радость узников». Рассказы убеждают правдой характеров, проникновенностью, простотой. Они зовут к состраданию и человечности, пробуждают чувство ответственности за все, что происходит в мире.

Ларс АЛИН

РАССКАЗ

Рисунок М. ПЕТРОВОЙ

Около вешалки Сёрен Хельгрен снял только калоши. Потом, сдвинув шляпу на затылок, распахнул пальто, вошел в комнату. Он держался уверенно и лихо, но заметно покачивался.

— Вот и я! Меня ждут?— игриво спросил он и протянул жене небольшой пакетик.

Она продолжала вытирать пыль. Всего минуту назад она отпрянула от окна, где несколько часов подряд стояла и ждала. Едва успела схватить тряпку, раскидать по столу какие-то вещи. Теперь же делала вид, будто давно старательно занимается уборкой.

— Ты собирался только туда и обратно,— наконец проговорила она.

— Я и сходил только туда и обратно,— усмехнулся он.

— Ты обещал вернуться в час,— сказала она.

— А сейчас шесть,— ответил он.

— Почему ты не сдержал слова?

— А почему ты не посмотрела, что я принес?

— Разденься,— попросила она и все-таки развернула пакет.

Там было несколько яблок, два апельсина и маленькая гроздь винограда.

— Грех жаловаться, завидный мужик тебе достался.

— Неплохой, я знаю.

Он взял ее за подбородок. Она отвернулась.

— Разденься, Сёрен.

Он принялся насвистывать. Явно не на твердых ногах несколько раз обошел стол.

— Писем нет?

— Нет.

Он порылся в бумагах, снова пустился вокруг стола. На каблуках, задорно пристукивая носками. Она все вытирала, не глядя на него.

Он подступил к ней сзади и, отплясывая чечетку, три раза подряд выбил особое коленце, которое означало желание и призыв.

— Ты что, оглохла?

Она, не поворачиваясь, продолжала водить тряпкой. Он обхватил ее бедра, хотел поцеловать в шею. Она отшатнулась и вскрикнула:

— Не надо!

— Вон оно что! Дома-то нас, выходит, не ждут. Значит, терять нечего.— Он высокомерно ухмыльнулся.— Итак, мы уходим...

— Подожди!— Она обернулась.— Останься...

Она смотрела на него темными, полными отчаяния глазами. Светловолосая, крепкая, ладная, с плотными, точеными руками, в голубом платье и белоснежном передничке. И хотя в уголках ее свежих губ проглядывало что-то упрямое, а округлый подбородок мог показаться несколько широковатым, она была самой милой, самой желанной.

— Поцелуй меня,— позвал он.

Подруги не раз говорили, что с Сёреном надо обходиться по-умному. Каждому ясно, о чем шла речь, но она не умела ловчить и не выносила, когда он напивался.

— Сёрен, милый, я хочу тебе только добра. Разденься...

— Поцелуй меня!

Она через силу подошла, сняла с него шляпу, осторожно пригладила волосы. Он взял ее за подбородок, притянул к себе, поцеловал. По ее щекам покатились слезинки.

— Ты плачешь?— удивился он.— Домой пришел я добрый и веселый...

Она прислонилась к его плечу.

— Ты не пришел, когда обещал. Я все глаза проглядела.

— Ты мне не доверяешь?— обиделся он.

— Позволь, я сниму с тебя пальто.

— Спешить некуда.

— Зачем тебе пальто? Разденься, отдохни. Сейчас приготовлю что-нибудь вкусное.

— Я не хочу есть.

— Еще бы.— У нее снова упало сердце.— Ты сидел в «Руне», наелся и напился.

— Ну и что?!

— Сколько ты потратил?

Он оскорбился, ударил кулаком по столу.

— Домой пришел я добрый и веселый! Я хочу видеть радостные физиономии! Не то уйду. Поняла?!

— Разденься...

Она попыталась снять с него пальто. Он оттолкнул ее.

— Мать честная! Меня встречают кислые рожи!— Он уже кричал во всю мочь.— Приходится шататься бог знает где только потому, что женился на такой ехидне. Я принес фрукты — ты даже в пакет не заглянула.

— Я посмотрела.

— А «спасибо» где?!

— Благодарю.— Она протянула ладошку дощечкой.

— Разве так благодарят, ломака проклятая!

— Как хочешь.

У нее больше не было сил.

«Если бы я была другой,— думала она.— Как Анна, например. Муж хоть на четвереньках приползи, она все улыбается. Вьюном вьется вокруг него, уговаривает. И уложит, и приласкает. Он поколачивает ее, я знаю, Анна страдает. Однако посмотришь — у них всегда мир...»

Она направилась в кухню. Он снова надел шляпу, молодецки сбил на затылок. На лоб упали соломенные пряди.

Она взглянула и глаз не могла оторвать. Как ей хотелось обнять его! Ничего больше не надо — только бы стать беззаботной и покорной, чтобы всегда нравиться ему!

— Домой пришел я добрый и веселый,— произнес он и остановился на пороге между комнатой и кухней.

— Домой пришел я добрый и веселый,— повторил он и вдруг так обрадовался, словно никогда в жизни не слыхивал и не говаривал более уместных и точных слов. «Крепко сказано»,— решил он, потирая руки.

В тот же миг блестящая фраза, мелькнув под потолком, превратилась в надежную цирковую трапецию. Уж она-то все выдержит!

— Домой пришел я добрый и веселый,— важно, со значением сообщил он.— Ты уразумела, что я мог остаться в городе до самой ночи?

Она ходила по кухне от стены к стене и не знала, куда деваться.

— Думаешь, мне не с кем было провести время?— Он заносчиво набивал себе цену.— Рикард еще как просил посидеть! Я же наотрез: «Нет!» Они считают, я под каблуком. А мне просто нравится дома. Я так и выпалил: «Мне нравится моя старуха, потому что она чертовски мила». Рикард железно обещал веселенький вечер. Я же свое: «Нет! Мне к Бергу надо, фруктов взять. Моя старуха обожает всяческие витамины». Я хвалил тебя, зануда!

Он перевел дух и подождал. Она стояла у плиты спиной к нему.

— Домой пришел я добрый и веселый!— изрек он, держась за эту фразу, как за надежную перекладину, на которой можно крутить любые номера.

Он нагрузил на одну сторону ворох воспоминаний и язвительных слов — трапеция их уравновесила. Выдержала!

— Приходишь домой и самому себе не веришь. Куда занесло?!— Он сделал большие глаза, он был потрясен.— Боже мой! Почему я не остался с Рикардом? Мировой парень! Могли бутылочку раздавить, девочек закадрить. Так нет, домой понесло!

— Сёрен!— Она положила руки ему на плечи.— Разденься. Ты всегда раскаиваешься, когда уходишь в город. Обо мне забываешь — хоть о деньгах подумай.

Он отстранил ее.

— Смотрю я на тебя и удивляюсь, зачем я пришел. Если б я не был таким лопоухим, ты меня в жизни здесь не увидела б.

Она не находила себе места. Вспоминала Анну и уже готова была нянчиться со своим глупым пьяным мужем. Анна удивительная, она хохочет, когда у нее душа разрывается, и никто не знает, как ей тяжело. Кому нужны строгость, справедливость, достоинство? Не проще ли сбросить весь этот тяжкий груз? Зачем связывать себя, думать и мучиться?

Ни она, ни он не собирались ужинать. Неизвестно, для чего она принесла из кладовки миску картошки, привычно поставила в раковину, начала мыть. Бессмысленная работа отвлекла, стало немножко легче.

— Домой пришел я добрый и веселый...— механически проговорил он и огляделся. Что-то изменилось. Блестящая фраза больше не висела спасительной трапецией. Она стала перегородкой и отделила его от нее.

«Я все-таки пришел,— тупо оправдывался он,— принес ей пакет с фруктами. Я не просто наломал дров, я поборол большие соблазны. Если б она оценила, взяла в толк, тогда бы я не стоял в пальто и в шляпе, а обнял бы ее».

— Домой пришел я добрый и веселый...— слова перестали помогать.

«Боже!— Он испугался.— Кругом шестнадцать! Бедные мы, несчастные... Тире нужен совсем не такой муж. Она ведь у нас самая красивая, самая замечательная, все говорят. И хозяйка отличная. Мать честная, почему я не такой, как она? Почему ей, а не мне достались стойкость и твердость?»

Она повязала груботканый полосатый передник поверх белого фартучка, села на стул. Миску с картошкой поставила себе на колени, белое эмалированное ведерко с водой — на пол. Желтый нож для чистки овощей плавно задвигался в ее руке. Она тонко срезала кожуру, острием ловко выковыривала глазки. Через равные промежутки времени красивая белая картофелина падала в ведрышко. Скоро шелуха заполнила всю миску. Чтобы достать картофелину, ей нужно было все глубже запускать руку в очистки.

Он стоял возле дверного косяка и сокрушенно наблюдал. Его охватывала тоска, которая с каждой минутой становилась все невыносимее.

— Домой пришел я добрый и веселый!— Он снова сорвался на крик.— А меня ни во что не ставят! Я сразу понял, как только посмотрел тебе в глаза.

Она молчала. Видно, ничего не поделаешь. Он станет куражиться и скандалить, потом снова уйдет в город, найдет Рикарда. Они будут пить, транжирить деньги, прожигать жизнь с какими-то женщинами и терзать свое тело и свою совесть. О-о-о!!! Почему она не может переломить себя, угодить мужу? Она ненавидела свое вечное стремление держаться на высоте.

— Домой пришел я добрый и веселый,— надрывался он.— А дома как в нетопленой печи.

Он чувствовал, что низок и жалок. Он уже готов был шагнуть к ней через порог, через нагромождение своих слов. Но вместо этого презрительно свистнул и начал отплясывать чечетку вокруг стола.

— Прощай, чистоплюйка! Тра-ра-ра-рап, рап, рап! Прощай, лягушка! Тра-ра-ра-рап, рап, рап!

Она перестала чистить картошку. Глаза ее остановились на грязно-серой извивающейся шелухе. Ей показалось вдруг, что человеческий мозг, или мозг бога, или мозг бытия опрокинут в миску на ее коленях. Огромное всеобъемлющее отчаяние поднялось над ее собственной бедой и черным пологом закрыло все сущее. Солнца не стало. Где-то далеко-далеко замирала издевательская прощальная чечетка. Ужас сжал ее плотным кольцом и оглушил. Она задыхалась. Еще секунда — от нее ничего не останется.

— Сёрен! Мне страшно! Помоги!

Она бросилась к нему, обняла, приникла губами к его губам.

— Я люблю тебя, я бесконечно люблю тебя!— шептала она ему в щеку.— Прости, прости меня, я виновата. Я больше жизни люблю тебя! Я буду такой, как ты скажешь!

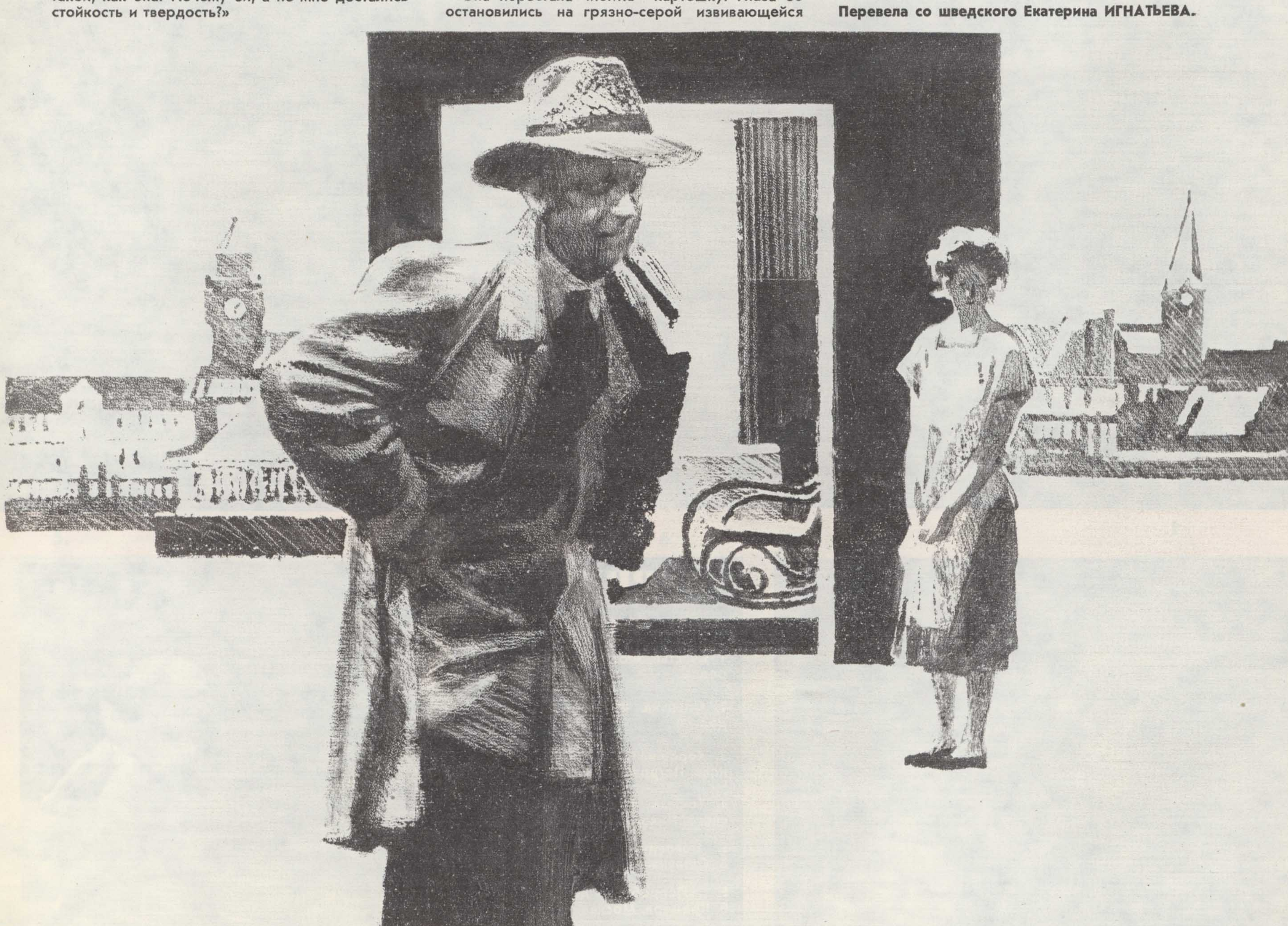
Хмель вылетел из его головы. От стыда ему стало трудно дышать. Он боялся, что расплачется, если она не перестанет шептать такие слова. Отсохни руки и ноги, он недостоин ни целовать, ни ласкать ее. Умереть, чтобы только увидеть ее улыбку. Кровью смыть свои грехи!

— Проклятый безмозглый кретин!— прохрипел он, теряя голос от волнения.— Чтоб тебе провалиться!

Она сняла с него шляпу, пальто и пиджак, расстегнула воротничок, усадила на постель. Они прижались друг к другу и долго молча лежали.

Он знал, что никогда не изменится. Она знала, что не сможет стать другой. Сегодняшний вечер повторится, может быть, в следующую субботу или когда-нибудь еще. Однако эти мысли не разделяли их. Они чувствовали близость друг друга. Боль притупилась. К самым окнам подступила опустошенная, притихшая темнота.

Перевела со шведского Екатерина ИГНАТЬЕВА.



1.

3.

ВЕРНИСАЖ «ОГОНЬКА»

1. Счастье. Фото А. Бурьбо. Белгород.

2. Оленька. Фото В. Иванко. Подольск.

3. Хорошие сны. Фото В. Ларионова. Петрозаводск.

4. Точный удар. Фото В. Ковальского. Николаев.

5. Последний звонок. Фото В. Страукаса. Вильнюс.

6. «Попробуй догони!» Фото Б. Кремера. Москва.

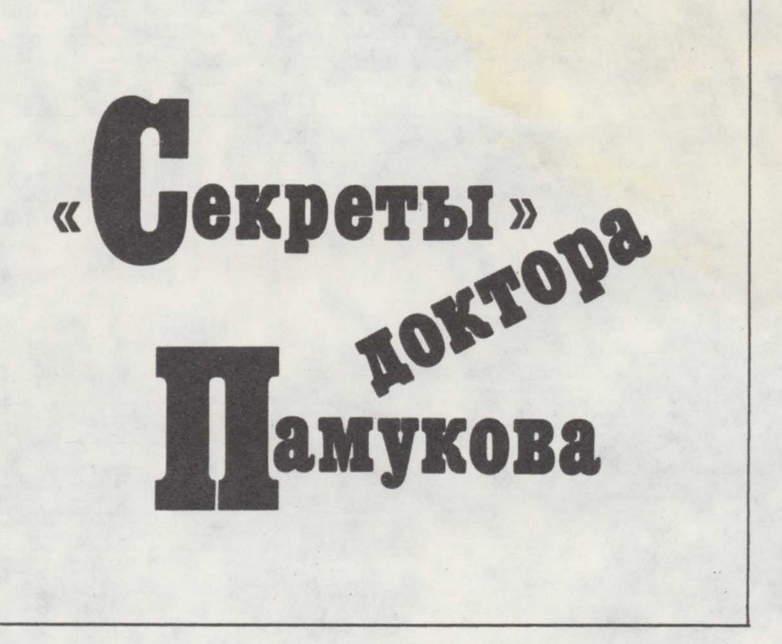
4.

2.

5.

6.

Из глубокой древности дошли до нас рецепты народной медицины, приемы врачевания с помощью целебных трав, растений. И поныне опыт, накопленный веками, широко используется во многих, в том числе развитых, странах. Особое значение при этом придается профилактике болезней. По просьбе «Огонька» корреспондент ТАСС в Софии встретился с ведущим специалистом по фитотерапии доктором Димитром Памуковым.



«Секреты» доктора Памукова

Андрей СМИРНОВ

Доктор Димитр Памуков возглавляет научно-практическую базу по фитотерапии при Софийской окружной больнице. За свою тридцатилетнюю практику он лечил травами десятки тысяч пациентов. Когда-то и себя самого он вылечил от легочного заболевания целебными растениями.

Памуков известен также как создатель нескольких оригинальных лекарственных препаратов из трав. Недавно его «бронхо-пам» и «холопам» испытывались в клиниках Советского Союза...

Всерьез заняться проблемами народной медицины доктору Памукову помог случай. После окончания института его направили на работу в сельскую больницу, где он трудился более десяти лет. Там познакомился с людьми, бережно хранящими секреты народного врачевания. Именно тогда у Памукова созрело убеждение в том, что «зеленая медицина» пока не использует всех своих резервов, что необходимо тщательно изучить ее и поставить на службу здравоохранению.

Сегодня, когда фитотерапия получает все более широкое признание, трудно представить, что совсем недавно в стране вообще не было ни одного кабинета по фитотерапии! И вот мы сидим в, можно сказать, главном таком кабинете Болгарии.

Доктор Димитр Памуков. Фото автора

Мой собеседник Димитр Памуков рассказывает:

— Первый фитоцентр в Болгарии был открыт в 1972 году, а тремя годами позже мы приступили к созданию научно-практической базы по фитотерапии. В 1980 году по решению Государственного совета НРБ такие кабинеты появились во всех окружных больницах страны, в медицинских вузах введено преподавание фитотерапии в течение двух семестров, открылись кафедры в фармакологических институтах.

— Доктор, почему, по-вашему, у людей вновь как бы усилился интерес к травам, оправдана ли вера в них?

— Когда лечение с помощью химических препаратов дает слабые результаты, больной обращается к фитотерапии. И очень часто травы помогают. Почему? Прежде всего фитотерапевт освобождает организм больного от излишних доз синтезированных веществ, что само по себе дает положительный эффект. На такой эффект можно условно отнести 20 процентов успеха. И это вызывает веру в излечение. Такая вера очень много значит, иногда она позволяет вообще обойтись без лекарств! У меня был пациент, которого в течение двадцати лет мучил нервный тик. Я выписал ему рецепт, а через неделю ко мне пришли его сослуживцы и с удивлением спросили, как за такой срок мне удалось вылечить их коллегу.

Зная, что Памуков сам себя избавил от недуга, спрашиваю, как он относится к ставшему сегодня модным самолечению.

— Конечно, не во всех, но в определенных случаях вполне можно обойтись собственными силами,— говорит доктор.— Мы, например, даже подготовили к производству «домашнюю аптечку». Она состоит из трех десятков трав, которые в различных комбинациях могут лечить более ста заболеваний. Рассчитана аптечка как раз на самостоятельное применение, однако даже в таком случае больному не рекомендуется избегать наблюдения врачей. В конце концов правильно поставить диагноз больной без доктора не в состоянии!

В беседе я узнаю об одной интересной идее доктора Памукова — создать первый в стране внутризаводской фитопрофилакторий. Лечение и профилактика осуществлялись бы при этом без отрыва от производства. В цехах можно поставить цветы, которые бы очищали и ионизировали воздух, организовать занятия гимнастикой, применять музыкальную и цветотерапию. Словом, чтобы каждый рабочий уходил домой менее утомленным, а производительность его труда на следующий день возрастала.

— Такие «предприятия здоровья»—наша цель на ближайшую перспективу, — поясняет Памуков.— Сегодня не следует ждать, что завтра на вас обрушится болезнь, ведь ее в большинстве случаев можно и должно предотвратить.

— Как вы относитесь к скептикам, появление которых во всяком новом деле неизбежно?

— Убедить любого скептика можно хорошими результатами. Мешают в работе не скептики, а люди одной с тобой профессии, искусственно тормозящие процесс. Бывает, некоторые предложения вместо одного-двух лет осуществляются чуть ли не через десятилетие! Получается, что годы жизни мы теряем напрасно...

В Советский Союз доктор Памуков приезжает часто, встречается со своими коллегами, обменивается с ними опытом. Я поинтересовался, как он видит развитие фитотерапии у нас в стране.

— В Советском Союзе я знаю многих опытных фитотерапевтов. Мне интересно было узнать о работе бакинских врачей, которые разработали методику лечения различных болезней с помощью ароматов лечебных трав. Хотелось бы накопленные в этой области совместные знания передать большинству практикующих врачей.

— Доктор, а как вы объясните такое: цель у всех врачей одна — вылечить больного, и, казалось бы, если травы помогают, почему не стремиться использовать их?

— Многие мои коллеги справедливо считают, что, применяя современные лекарства, медицина сделала шаг вперед,— говорит Памуков.— А раз так, то мало у кого возникает желание шагать назад, к травам. По мне, не худо сравнить предлагаемое новое с уже известным старым. Кроме того, при хронических заболеваниях нельзя постоянно отравлять организм химическими препаратами, в этом смысле травы гораздо безобиднее. Ведь человеческий организм не стеклянная колба, которая может без последствий выдержать все, что в нее попадет. Особенно это важно для пожилых людей, у которых с возрастом нарушается функция клеток печени. Сильное лекарство в таких случаях превращается в яд для организма. Так что травы в комбинации с гимнастикой и диетой гораздо эффективнее и полезнее.

Встречается мнение, что человек должен жить до ста и более лет. Я согласен с этим, но надо заботиться о своем здоровье смолоду, думать о том, что мы едим, сколько едим, какой образ жизни ведем.

— Однако, как мне кажется, и у вас, доктор, есть некоторый излишек веса...

— Да, пока советуешь другим, как правильно жить, забываешь порой о себе,— смеется Памуков.— Сидячий образ жизни, ничего не поделаешь... Но я все же пытаюсь контролировать себя, у меня есть план работы на несколько лет вперед, и приложу максимум усилий, чтобы его выполнить.

Доктор показывает мне вышедшую не так давно книгу, которую он написал совместно с другим известным специалистом по фитотерапии, Христо Ахтарджиевым, «Природная аптека». В объемистом томе собрана ценная информация о большинстве популярных в Болгарии лекарственных растений, об их сборе, химическом составе, свойствах и применении, а также об опыте народной медицины. В книге описаны десятки лекарственных растений, которые продаются в аптеках страны. Издание предназначено как для широкого круга читателей, так и для специалистов — фармацевтов, фитотерапевтов, биохимиков, ботаников. «Природная аптека» скоро выйдет в Чехословакии, к ней проявили интерес австрийские и западногерманские специалисты.

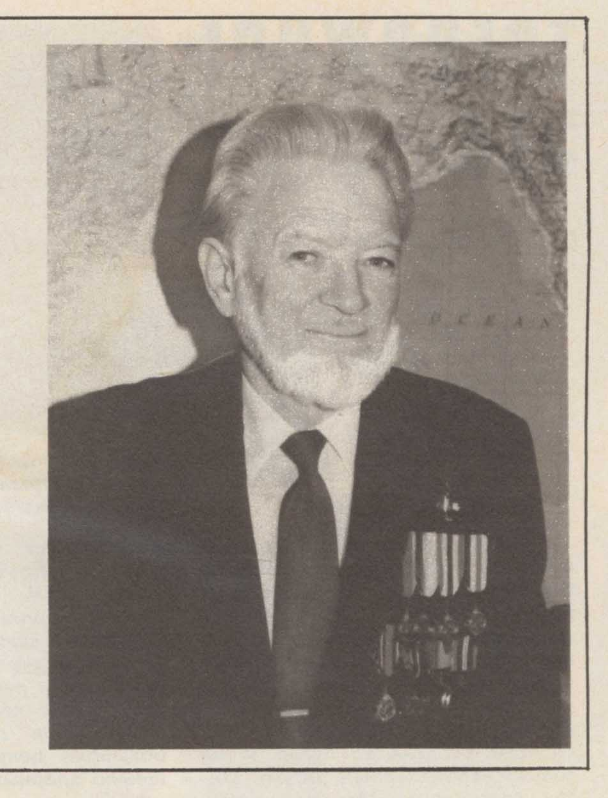
— Буду рад, если книга окажется полезной и для моих советских коллег,— говорит в заключение Димитр Памуков.— Ведь мы делаем общее дело — дарим людям здоровье.

София.

Б. Моризо. 1841—1895. СЕСТРЫ. 1869. Национальная галерея искусств, Вашингтон.

Ф. Базиль. 1841—1870. НЕГРИТЯНКА С ПИОНАМИ. 1870. Национальная галерея искусств, Вашингтон.

Автор этих воспоминаний по окончании второй мировой войны вернулся к себе на родину, в Шотландию. Он решил овладеть специальностью электромонтера, но, как многим другим ветеранам войны, работы ему не нашлось. После долгих скитаний Ян оказался в Австралии и, помотавшись по континенту, осел в Сиднее, работал электриком, вступил в Компартию Австралии. На одном из партийных собраний Ян Хайет познакомился с Мерль, которая вскоре стала его женой. Два года назад Ян и Мерль побывали в Советской стране, и незабываемым для них событием стало посещение Мурманска, города, восставшего из пепла, города, с которым у Яна связано много воспоминаний.



Ян ХАЙЕТ

К русским сквозь льды и огонь

13 января 1943 года (зловещая дата для тех, кто суеверен!) несколько кораблей вышли из устья реки Тайн (Великобритания). Позднее они встретились с гораздо большим отрядом судов, следовавших от Западного побережья Британских островов к северу. Портом назначения был Мурманск.

Суда выстроились в боевой порядок, взяли курс на северо-восток, навстречу всем тем опасностям, о которых нас предупреждали на специальных занятиях, когда учили, как спасаться в арктических водах, где активная деятельность противника сочеталась со страшными холодами, царившими в высоких широтах за Северным полярным кругом. В составе нашего конвоя было 32 торговых корабля. И каждому из нас была известна славная и в то же время трагическая судьба конвоя, который ходил в Россию в сентябре 1942 года. Тогда спаслась только горстка людей. А из 48 кораблей не пострадали всего четыре.

Урон в живой силе, грузах, кораблях был колоссален. Свидетельство тому — замерзшие в арктической воде люди, затонувшие корабли и грузы...

Как показали дальнейшие события, судьба нашего конвоя, отправившегося в Россию в январе 1943 года, была несколько иной, по крайней мере на пути к Мурманску, куда мы доставили военный груз на 30 кораблях.

Я служил на корабле радистом и помню, как в Норвежском море, то есть как раз на полпути, поймал в эфире сигнал, состоявший из группы букв — «джей». Это означало, что противнику стало известно наше местопребывание.

Взяли пеленг, и оказалось, что источник сигнала находился где-то позади нашего конвоя. Об этом немедленно были оповещены на мостике, и сейчас же все бинокли начали обшаривать море за кормой в поисках самолетов или кораблей противника.

Громко и отчетливо прозвучали слова шотландца-пулеметчика:

— По правому борту вижу вражеский самолет. Приблизительное расстояние — 5 миль, высота — 1500 футов.

По приказу командира конвоя от строя отвалил миноносец и изготовился к атаке. Я не помню в деталях исход этого поединка. Одно стало совершенно ясно: в Берлине знают, где мы находимся. Не очень-то приятное известие, и помню, как мы с товарищами говорили, что может повториться история предыдущего конвоя.

И так вполне могло случиться, если бы погода в Арктике не была, возможно, самой отвратительной за всю ее историю. Порывы ветра, несшегося со стороны Северного полюса, достигали порой скорости 100 узлов. И ртутный столбик термометра тогда падал до минус пятидесяти.

На верхней палубе люди из двуногих прямоходящих особей превращались в четвероногих. Они еле карабкались, цепляясь за оледеневший канат, под монотонное завывание арктического ветра.

Невольно на память приходили мальтийские конвои. Их тоже пикником не назовешь. Но в тех краях по крайней мере вода была теплой, и шансы на выживание измерялись не минутами, а днями. Или конвои в районе Персидского залива. Когда сентябрьский ветер дует из пустыни, обезвоживая все на своем пути, температура воздуха достигает плюс 60 градусов, а указатель гидрометра стоит на нуле. Но в тех условиях человек может испытывать по крайней мере лишь жажду.

В январе 1943 года в Баренцевом море мы испытывали одну-единственную жажду — жажду выжить.

Мы доставили русским военные грузы на 30 судах. А потеряли всего два корабля.

Расскажу, как это было. Однажды утром, когда погода несколько улучшилась, гитлеровская подводная лодка сумела прорваться сквозь внешнее и внутреннее ограждение нашего эскорта. Первым пошел на дно американский танкер, груженный авиационным бензином; он исчез в одной яркой вспышке, и несколько секунд спустя ничто на поверхности воды даже не напоминало о том, что здесь только что был корабль. В момент взрыва я был на мостике и почувствовал порыв теплого воздуха.

Через несколько минут над кораблем, который был слева от нас по борту, показался черный дым и прозвучала целая серия взрывов, разрушивших его от кормы до носа. Этот английский корабль вез боеприпасы. Он развалился на части и затонул. С обоих судов не спасся ни один человек.

Постепенно мы приближались к месту нашего назначения, и, возможно, когда нам оставалось идти до него еще сутки, в небе появились советские самолеты. Подавая соответствующие световые сигналы, они нам дали понять, что в небе союзники. Это известие вызвало взрыв приветственных возгласов на палубе.

В течение нескольких часов в темноте северного дня (кажется, это было 21 января) мы шли вверх по реке Коле. Конвой доставил в город-крепость Мурманск 250 тысяч тонн военных грузов. И грузы эти предназначались для фронта, где шла и была выиграна великая битва.

Портовые власти, разумеется, подготовили все к прибытию конвоя. Но они ожидали, что прибудут около 10 судов. Справиться же сразу с 30 кораблями было совсем непросто. Тем не менее они сумели это сделать. Некоторые наши корабли сразу стали у причалов, другие бросили якоря по реке Коле.

Для того, чтобы разгрузить суда, потребовалось пять недель, и все эти пять недель немецкая авиация буквально день и ночь висела в воздухе, прилагая дьявольские усилия для того, чтобы разрушить порт и уничтожить грузы, которые ушли у них из рук на пути в Мурманск.

О Мурманске у меня сохранились самые теплые воспоминания, несмотря на адские январские холода и разрушения, которые не поддаются описанию. Но что такое холод рядом с теплотой советских людей, оказавших нам прием в духе подлинного русского гостеприимства, которое надо почувствовать самому для того, чтобы поверить в его масштабы.

Разгрузив суда, мы тепло простились с мурманчанами. Темной ночью конвой шел к устью Колы, и каждый из нас надеялся, что обратный путь будет таким же удачным.

Наступил март. Дни стали длиннее, а погода лучше. Советские самолеты прикрывали нас до тех пор, пока позволяла дальность их полетов. Затем они пожелали нам счастливого пути и возвратились на свои базы. Я помню, с каким энтузиазмом мы махали им вслед руками.

Затем мы направились в сектор Медвежьего острова.

Шпицберген, Медвежий остров и вражеские базы в Норвегии были расположены на одной и той же восточной долготе — 18°. Это облегчало противнику сосредоточение здесь своих сил — казалось, враг был полон решимости отомстить нам за то, что мы сумели ускользнуть от него на пути к Мурманску.

И вот будто ад обрушился на нас, обрушился сверху и снизу. В первые же 36 часов половина судов конвоя пошла на дно. Другие суда были рассеяны.

Корабль, на котором я служил, получил серьезные повреждения и над ватерлинией, и в своей подводной части. Наша максимальная скорость теперь составляла всего 4 узла.

Под оглушающий грохот, который может производить только порожнее судно, пробирающееся через паковый лед, мы шли двенадцать тревожных дней и ночей. Наша судьба зависела от переборок — выдержат ли они. Наконец мы пришли в Рейкьявик, где нашему кораблю наложили заплаты из брезента, леса и цемента и дали направление следовать на юго-восток для капитального ремонта.

На сборном пункте в северо-восточной части Шотландии, куда мы пришли самыми последними, нам стало известно, что из 32 кораблей, которые в свое время вышли в Мурманск, уцелело лишь 11.

ТРЕВОЖНОЕ ЭХО

См. 2-ю обложку

Инженер Надежда Молчанова. Пульт Центральной сейсмологической обсерватории.

Если сложить все сейсмограммы вместе, то их наверняка хватило бы, чтобы опоясать Землю. Движутся барабаны с фотобумагой, лучи оставляют на ней следы. Бесконечная вязь выходит из-под перьев самописцев. Вращаются катушки с магнитной лентой. Снимается кардиограмма планеты. Неспокоен сегодня ее пульс. И не только неподвластная разуму стихия здесь виной. Эхо подземных бурь, которое доносится с американского континента, из Невады, вызвано не Плутоном. В ведомстве другого бога — бога войны Марса задумали встряхнуть недра ядерными килотоннами. Вопреки разуму осуществила свой замысел американская администрация. Хоть далеко от Невады Обнинск, где находится обсерватория, сейсмические волны от взрывов пришли и сюда, оставив свой характерный росчерк на сейсмограмме. Мы видели эти автографы безответственности.

Обнинским ученым приходилось держать в руках сейсмограммы, за мощными амплитудами которых стояли разрушения и жертвы. Сейчас же, когда мы смотрим на запись из Невады, подумалось, что за ней ведь тоже стоят и разрушения, и жертвы. Рушится надежда на полное запрещение ядерных взрывов, а жертвой здесь стал в конечном счете и сам американский народ.

Непостижимо, что это сделано сознательно, а не по воле стихийных сил. Люди на протяжении столетий ищут возможности прогноза поведения стихии и в то же время по собственной воле будят не менее грандиозные разрушительные силы. Например, энергия взрыва в Неваде в апреле этого года была равна мощи ташкентского землетрясения 1966 года.

Ядерные взрывы не скрыть, не упрятать в недрах. Сейсмические волны не знают границ. Такой метод контроля надежен и эффективен. Однако Соединенные Штаты, отказываясь от соглашения о полном запрещении любых ядерных взрывов, помимо прочего, сетуют и на сложность контроля. Между тем по рекомендации группы научных экспертов женевского совещания по контролю за испытаниями ядерного оружия проводился международный глобальный эксперимент по обмену сейсмическими данными. В нем участвовало 50 стран.

— У этого международного эксперимента было два центра: один — в Вашингтоне, а другой — у нас, в Обнинске,— рассказывает начальник опытно-методической экспедиции Института физики Земли АН СССР кандидат физико-математических наук О. Е. Старовойт.— В течение трех месяцев по каналам Всемирной метеорологической организации мы получали информацию из 50 зарубежных стран и обрабатывали ее с помощью ЭВМ. Эксперимент показал, что, используя уже имеющиеся каналы связи, можно обеспечить передачу сейсмических данных и вести регулярный контроль. Эта работа сейсмологов разных стран мира должна послужить большому делу — полному запрещению ядерных испытаний.

Такого мнения придерживаются и зарубежные ученые. В Обнинск в адрес опытно-методической экспедиции Института физики Земли пришло письмо из далекой Австралии. Известный австралийский геофизик, координатор глобального сейсмического эксперимента доктор Питер Мак-Грегор выражает благодарность своим советским коллегам. «Я не сомневаюсь,— пишет он,— что глобальный сейсмический эксперимент стал значительной вехой в нашем стремлении внести свой научный вклад в проблему всестороннего и всеобъемлющего запрещения ядерных испытаний. Это была замечательная попытка — нам удалось опробовать почти все характерные особенности обмена данными. Полученный опыт имеет неоценимое значение для совершенствования этой работы в будущем».

— В вопросе контроля за испытаниями мы как специалисты-сейсмологи не видим проблемы научной, проблемы физической,— считает Олег Евгеньевич Старовойт.— Прежде всего это проблема политическая. Наука же выработала приемы и методы, которые позволяют отличать взрывы от землетрясений. Словом, проблема контроля намеренно раздувается сторонниками продолжения ядерных испытаний.

...Мигают лампочки на пульте, стучат телетайпы, скрипит, ворочаясь, огромный глобус. Приборы бдительно внемлют голосу самого своего прообраза — земного шара.

При своей высокой чувствительности и точности приборы просты и надежны. Их действие основано на известном всем принципе маятника. Железки, пружинки, электромагниты — вот основа классической аппаратуры для сейсмических наблюдений. Знаменитый маятник Фуко имеет «шаг» в 16 метров. При этом период его колебаний — 8 секунд. Если требуется больший период, то надо увеличивать и «шаг» маятника. Для периода в 25 секунд такой «размах» должен быть до ста метров. А конструкторы сейсмометра смогли это «уместить» в небольшой компактный прибор. Они сделали так, что под его стальным кожухом маятнику так же просторно, как под куполом Исаакиевского собора.

Сейсмометры способны зафиксировать смещение почвы в одну тысячную долю микрона. Это в сотню раз тоньше человеческого волоса. Такая высокая чувствительность приборов приводит к тому, что, кроме волн от землетрясений, они записывают колебания почвы, вызванные движущимся транспортом, работающей строительной техникой, колеблющимися от ветра деревьями и многими другими источниками, именуемыми «помехами». Естественно, что помехи мешают регистрировать волны от землетрясений, поэтому ученые стремятся вынести приборы в «тихие» места, а всю записываемую ими информацию передавать по радио или телефонным каналам в центры сбора и обработки сейсмических данных. Такой способ регистрации, названный телеметрическим, позволяет обнинским сейсмологам повысить чувствительность обсерватории к слабым и далеким землетрясениям и одновременно автоматизировать процесс первичной обработки наблюдений с помощью современных мини-компьютеров.

Неудивительно, что в обсерватории улавливают волны от землетрясений, происходящих за тысячи километров отсюда — в Чили и Новой Зеландии, в Японии и Австралии.

Многие сейсмограммы с записями землетрясений расшифровываются только с помощью ЭВМ. Мало получить сейсмограмму с записью землетрясения. Надо быстро и точно ее обработать, чтобы определить, где, когда и какой силы произошел толчок. А если учесть, что точность определений зависит от того, сколько сейсмограмм будет участвовать в обработке, то совершенно очевидно — без современной вычислительной техники этого сделать нельзя. Для того, чтобы быстро вводить сейсмограммы в компьютер, необходимо иметь их в цифровом виде. Вот почему сейсмологи в Обнинске наряду с «видимыми» записями землетрясений в основном получают и используют в работе «невидимые» записи на магнитных лентах, содержащие огромный набор цифр, в которых зашифрованы далекие и близкие, сильные и слабые землетрясения.

Около полутора тысяч землетрясений регистрирует ежегодно обсерватория в Обнинске. Каждый день сюда поступает оперативная информация более чем с 200 сейсмологических станций нашей страны и ряда зарубежных государств. По всему миру рассылают свои материалы и обнинцы. Ведь для развития сейсмологии особенно необходимо международное сотрудничество, взаимный обмен данными. Сейсмологу нужна вся Земля, поскольку она единый организм, в котором все тесно взаимосвязано. Перед лицом стихии люди должны объединиться. Сама природа этого требует.

— Срочная информация о сильных землетрясениях позволяет своевременно оказать помощь пострадавшим районам,— продолжает рассказывать Олег Евгеньевич Старовойт.— Данные, получаемые сейсмологами, используют строители, сооружающие объекты в сейсмических зонах, геологи, ведущие там поиск полезных ископаемых. Такой материал необходим для разработок методов долгосрочного прогноза сильных землетрясений. Из сейсмических наблюдений мы черпаем новые знания о внутреннем строении Земли. Это, пожалуй, самое ценное в сейсмограммах.

...Продолжает свою мирную вахту главная сейсмологическая обсерватория нашей страны. Кружится огромный глобус. Ровную дорожку чертят самописцы на сейсмоленте. На Земле тихо. Успокоились недра. Но неспокойны людские души.

Обнинск, Калужская область.

МОСКВА'86 МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРС ИМ. П. И. ЧАЙКОВСКОГО

ВО

Виктор ПИКАЙЗЕН, заслуженный артист РСФСР, лауреат международных конкурсов

Как быстро летит время! Казалось, еще совсем недавно были объявлены лауреаты первого конкурса имени Чайковского, среди которых посчастливилось быть и мне. Ныне Москва провожает уже восьмой праздник музыки. Минувшие десятилетия показали, насколько высок его авторитет в культурной жизни планеты. Как член жюри я участвовал во многих международных конкурсах. По количеству участников, геогра-

...ЛШЕБНЫЕ ЗВУКИ МУЗЫКИ

фии стран, высоте профессионального уровня нынешний конкурс не имеет себе равных.

«Музыка Чайковского,— сказал председатель оргкомитета конкурса Тихон Хренников,— занимающая основополагающее место в программах состязания, обладает тем счастливым качеством, которое помогает объединять людей. Всем духом своим она утверждает идеалы, близкие прогрессивному человечеству». Подтверждение этих слов находим в заявках стран, пожелавших представить своих музыкантов. В 1978 году — 218 исполнителей, в 1982 году — 253, в 1986 году — около 400 человек из 46 стран, в том числе и музыканты из Китайской Народной Республики, приехавшие после долгого перерыва. Нашу страну представлял 31 исполнитель.

...Названы победители. Эти дни стали уроками мастерства, днями знакомств, открытий.

Мне довелось присутствовать на многих прослушиваниях. Как скрипач, я хочу отметить, что сегодня зарубежные музыканты стали глубже понимать творчество Чайковского и вообще русских, советских композиторов. Если раньше выступления были безукоризненны по технике, но лишены присутствия национального духа, либо, наоборот, проявлялось какое-то псевдопонимание, сводившееся порой к эдакой разухабистости, то сегодня участники конкурса проявляли великолепное чувство стиля, замысла произведения, научились читать его так, как задумал автор, соблюдая все акценты. У многих исполнителей я отметил умение раствориться в замысле автора, идти вслед за ним, сохраняя притом собственное, оригинальное мышление. Повысились культура исполнения, внутренняя требовательность. Конечно же, волнение давало себя знать, и бывало досадно, когда, пройдя два тура, претендент на третьем играл плохо. Впрочем, скажу откровенно, знаю на собственном опыте: выступать на сцене Большого зала консерватории — это всегда вызывает внутренний трепет...

Жюри предъявляло очень высокие требования. Некоторые участники, отмеченные призами различных международных конкурсов, на московском отсеялись уже после первого тура. Популярность конкурса имени Чайковского чрезвычайна, но не все претенденты представляли себе реальные возможности победы. В целом «команда» нынешнего года была гораздо сильнее предыдущих лет.

Несомненно, следующий конкурс будет еще более сложным, продемонстрирует новые возможности, достижения, открытия. Но ведь это и главное: постоянное стремление к совершенству, к поиску новых форм, исполнительских возможностей...

Фото А. Конькова (ТАСС), В. Киселева и А. Сизухина

приглашение к разговору

Старики?

В. ВАСИЛЬЕВ.

Фото Ирины ЛЬВОВОЙ

Правда, что им нужно, этим старикам? Казалось бы, не так уж много — уступи место в трамвае, придержи тяжелую дверь в универмаге, внимательно выслушай в соцотделе или жилуправлении. И все, пожалуй. Ну, еще, чтобы не нагрубили в магазине, если не сразу извлекут сложенный вчетверо рубль из старенького кошелька... А нам, пока молодым, некогда. У нас работа, дети, наконец, у нас нервы. И разве может не вспылить продавщица, когда бабка требует взвесить сто граммов рыбки для кошки?

Мало мы знаем о проблемах людей старшего возраста. Может быть, та же кошка — единственное существо, с которым старушка может «поговорить по душам». Огромную заботу проявляет наше государство о пенсионерах. Но социальное обеспечение, крыша над головой и еда на столе — это еще не все, далеко не все. Слишком часто человек на пенсии оказывается оторванным от жизни, одиноким. Развлечений немного — лавочка у подъезда, да телевизор, если есть. Не пойдет он в клуб на танцы, да и в кино или театре одному не так уж весело. Не поэтому ли многие пенсионеры продолжают трудиться? Другие посвящают свободное время внукам, третьи — дачному участку. А если ни другого, ни третьего? Тогда пожилой человек замыкается и постепенно теряет контакт с окружающим миром. В результате ухудшается состояние здоровья, начинается одряхление.

Эта пустота, окружающая пожилых людей, невнимание к их нуждам, незнание их проблем — наш неоплаченный долг по отношению к поколению, создавшему все, что мы имеем. Пенсионеры — немалая часть населения нашей страны. Проявить заботу о них мы обязаны.

Два раза в месяц, по воскресеньям, пенсионеры Эстонии откладывают все свои дела и устраиваются поудобнее у телевизоров. Сегодня передача для них. Две недели ждали ее с нетерпением. И сегодня, они знают, будут рассказы об интересных людях, их увлечениях, сегодня услышат они песни времен своей юности, увидят тех, кто, несмотря на возраст и недуги, живет полноценной жизнью. Сегодня врач-гериатр расскажет, как поправить пошатнувшееся здоровье, посоветует, что делать, если нет в аптеке нужного лекарства, если не поддаются лечению застарелые болезни. Частые гости передачи — работники социального обеспечения. И, конечно же, будут ответы на письма!

Писем много. И хотя порой кажется, что вопросы в них поднимаются пустяковые, но для старого и не совсем здорового человека пустяк может обернуться бедой. «У меня четыре курицы, а председатель не дает зерна», — жалуется колхозница-пенсионерка. Звонок из телестудии — и вопрос решается в пять минут. Пишет пожилая чета колхозников, чей домик занесло снегом; иногда не выбраться из дома, не дойти до магазина, если сильный ветер, а взять в руки лопату, расчистить снег — нет сил. И никто не помнит, что именно они были в числе основателей колхоза, первыми отдали в колхоз единственную лошаденку и нехитрый инвентарь... И снова приходится звонить куда следует, и оказывается, что расчистить дорогу бульдозером — минутное дело. Просто и естественно было бы решать подобные вопросы без участия работников телевидения. Именно в таких мелочах, которые могут стать для пожилого человека непреодолимым препятствием, и сказывается равнодушие к старикам.

Когда нужно что-то получше рассмотреть, мы берем очечник и достаем очки. «Очечник» — так и называется передача для пожилых. И делается она не так, как многое для стариков — попроще и подешевле, делается с душой. Уже третий год выходит в эфир «Очечник». И по праву считается одной из популярнейших передач в республике. Давно уже вышла она из рамок развлекательной и теперь играет глубокую социальную роль, объединяет немолодых и часто одиноких людей, внушает им уверенность в себе, вселяет надежду. Видят ветераны, что о них заботятся, что кому-то интересны их проблемы, кто-то готов прийти на помощь в беде. И пишут, если нет возможности решить свои проблемы на месте «законным» путем. Знают, если иное солидное учреждение может просто не отреагировать на вздорное письмо старушки с ее пустячной проблемой (что такое одна старушка в масштабах республики!), то «Очечник» ответит даже тогда, когда помочь, казалось бы, нечем. Ведь часто ищут старики не столько помощи, сколько участия. Ищут кого-то, кто бы их выслушал. И пенсионеры глубоко признательны авторам своей передачи. Душа «Очечника» и его создатель — комментатор эстонского телевидения Хаги Шейн — поможет, разъяснит, если надо — пригласит специалиста.

Делать передачу для пенсионеров непросто. Так легко обидеть пожилого человека неосторожным словом! И тематика, и построение передачи специфичны. Нельзя допускать быстрого чередования сюжетов, текст должен быть понятен всем зрителям, да и говорить нужно медленно, не спеша — ведь у многих зрителей слуховые аппараты, а качество их известно какое...

Вокруг передачи собрался актив из пенсионеров. Это помогает авторам постоянно быть в курсе важнейших проблем. Одна из них — судьба инвалидов. Нередко люди с физическими недостатками вполне способны к самостоятельному передвижению и самообслуживанию. Например, инвалид без ног преодолевает в кресле на колесах несколько ступенек спуска или подъема по лестнице, садится за руль «Москвича», пристраивает складную коляску на сиденье рядом и едет, куда ему нужно. Да только часто учреждения, которые ему приходится посещать, находятся на верхних этажах, подъезды к ним неудобны, лестницы чересчур круты, пороги высоки, а двери по давней, еще Ильфом и Петровым воспетой традиции, снабжены тугими пружинами. А часто ли мы видим инвалидов на улице, в общественных местах? Слишком больно им переносить сочувственные взгляды, слышать за спиной вздохи: бедненький... А ведь инвалид может и должен жить полноценной жизнью. Не вздыхать нужно, а без лишних эмоций, по-человечески помочь ему сесть в автобус, открыть дверь, перевести через улицу. От жалости легче не станет. И «Очечник» рассказывает, как своими руками сделать простые приспособления, облегчающие жизнь человеку, которому в силу возраста или болезни трудно справиться с такими повседневными делами, как застегнуть пуговицу, натянуть чулок, открыть водопроводный кран или поднять с пола предмет. Учит быть социально активными, помогает найти свое место в жизни.

И еще «Очечник» интересен не только для пожилых, но и для молодежи. А это очень важно! Молодые знакомятся с тем, что всех ожидает, узнают о нуждах старых людей да и сами себя узнают поближе. Все мы родом из детства, а старость — неизбежное будущее. И кое-что об этом будущем необходимо знать уже сегодня. Каждому.

Последние полгода пенсионеры и инвалиды республики жили в ожидании большого события — Дня здоровья. Полгода «Очечник» проводил программу тренировок по ходьбе и бегу с постепенно увеличивающимися нагрузками. И вот настал этот долгожданный субботний день, когда пять тысяч зрителей и участников Дня здоровья собрались под огромным сводом эстрады Певческого поля. Они долго и благодарно аплодировали Хаги Шейну, очень популярному среди пенсионеров республики тележурналисту. Он и открыл спортивный

...и все они нуждаются во внимании.

Счастливый билетик!

На финише похода-игры.

праздник ветеранов. По живописным районам — морскому побережью, тенистым улочкам пригорода, аллеям старого парка спортмедики проложили трассу длиной пять километров. Два старта были даны в этот день — бегунам и тем, кто пожелал пройти дистанцию пешком. Организаторы провели тщательную подготовку, предусмотрели все случайности. К бегу были допущены только люди, прошедшие медицинский контроль. А когда был объявлен старт пешего похода, трибуна почти опустела: нескончаемый людской поток потянулся вниз, к морю. Шли весело, с шутками: ведь не каждый день можно встретиться со сверстниками на тропе здоровья! Победители не награждались; приз был общий — здоровье, бодрость и уверенность в своих силах. Зато самым активным участникам, проявившим упорство и спортивное мужество, были вручены памятные подарки, сделанные руками телезрителей. Их прислали из более чем трехсот точек республики.

А потом были демонстрационные выступления недавно созданной федерации «Инваспорт». «Сидячий» волейбол, фигурная езда на инвалидных колясках, подвижные игры доказали, что инвалидность и спорт вполне совместимы, мало того, именно спорт дает инвалиду возможность почувствовать себя полноценным человеком. Общество слепых демонстрировало езду на велосипедах-тандемах, а некоторые из его членов с неплохим результатом пробежали пять километров. И даже люди в инвалидных колясках были полноправными участниками праздника здоровья! А те, кто до сих пор оставались зрителями, увидели, что многое доступно человеку с серьезными физическими недостатками.

Закончился спортивный день. Но праздник пенсионеров продолжался. Назавтра в городском Дворце культуры был дан необыкновенный бал. В нем приняли участие более семисот пенсионеров. Кружились в вальсе люди, у которых давно уже не было возможности потанцевать, не привлекая внимания окружающих. Около сорока коллективов художественной самодеятельности ветеранов прислали заявки на выступление; пришлось провести отбор, иначе концерт затянулся бы на много часов. Лихо отплясывали пенсионеры, звучали народные песни, а гвоздем программы стало оригинальное выступление — пантомима общества глухих. Пока в фойе танцевали, на всех трех этажах работали выставки приспособлений для инвалидов и рукоделия, демонстрировались фильмы, предлагались освежающие напитки из трав. Желающие смогли встретиться с известным по передаче «Очечника» врачом-гериатром. Впервые пенсионеры собрались вместе, увидели старых знакомых, провели время интересно и не без пользы. Забыли ветераны на время о недугах, забыли о валидоле, на всякий случай все-таки прихваченном из дому... За эти два дня не было ни на Певческом поле, ни на балу ни одного недовольного лица! Преобразились ворчуны. Сегодня снова все были молоды, веселы. Естественно, окончание бала вылилось в долгую овацию устроителям. «Когда следующий День здоровья? Когда мы встретимся снова?» — сыпались вопросы из зала.

Хаги Шейн сказал именно те слова, которых от него ждали все: «Дорогие наши ветераны, добрые и хорошие люди! Я не знаю, как, где и когда, но ваш «Очечник» непременно будет проводить и дни здоровья, и балы. Мы обязательно встретимся снова! Обещаю вам!»

Таллин.

ФЕЛЬЕТОН

В любой очереди или в долгой поездке по какому-то необъяснимому закону обязательно встретится такой человек. Он немало повидал на веку и может порассуждать о вещах любопытных. Иногда в его откровениях оказывается немало истины. Вот история, изложенная пожилым человеком в железнодорожной форме.

— Недавно у нас в Московском узле «снабженцы» объявились. Правда, жена Александрова, Нина Захаровна, и вовсе в министерстве служила. Старшим инженером в планово-экономическом отделе Главного управления вычислительной техники МПС. И заработок больше, чем у мужа, был. Премиями отмечали, благодарностями, даже именные часы заслужила. Что ж, работала хорошо — поощряли.

А вот муж ее, Александров Сергей Иванович, получал в месяц на тридцатку меньше. На семью из трех человек (дочка у них растет), в общем, хватало вполне. То ли мужская гордость главу семьи заела, то ли расходы предвиделись — мало ли какие запросы у людей, но решил Сергей Иванович сменить место. Известно, рыба ищет где глубже, а человек, сами понимаете...

Вот и Александров из электромехаников вычислительного центра «Экспресс» Московской железной дороги перешел в проводники Дирекции международных и туристских перевозок,— расценки на этой должности повыше. На прежнем месте он оставил о себе хорошее впечатление, так что никаких затруднений с переводом не возникло.

В мае 1984 года проводник Александров приступил к исполнению своих обязанностей и выехал первый раз в этом качестве за рубеж. А уже в июле он принес в комиссионный магазин первую добычу. Со стороны может показаться, что Сергей Иванович как-то уж очень быстро сообразил насчет «навара». Но на следствии в один голос с Ниной Захаровной признались, что глава семейства «в международные перевозки» для того и устраивался. Чтобы барахло возить. Они с супругой загодя и спрос изучили, и цену выяснили, и разницу между стоимостью на товары у нас и за границей. Оставалось только доставить их.

Раз привез, другой, третий. Во вкус вошел. Должно, мало показалось. Валюта проводникам выдается. Но инструкции почему-то не учитывают аппетиты спекулянтов. Не хватало ее. Наверное, поразмыслил тогда Сергей Иванович и решил «наваривать» с оборота. Проводник, что ни говори, хозяин вагона. Местечко потайное присмотрел, винтики поотворачивал и схоронил там советские деньги. А когда поезд пересек границу, Александров обменял их на местные банкноты. У кого? Как он говорил, «у неизвестного гражданина». А дальше привычным порядком. Только теперь привозил и побольше, и позначительнее. Приедет, передохнет — и в комиссионку. А когда уставал, жена носила.

Что особенно любопытно, так это то, что работников в двух столичных комиссионных магазинах — № 4 и № 231 — совершенно не заинтересовали два клиента-оптовика, на протяжении полутора лет сдававших одни и те же товары — наборы из цветного стекла для вина и ликера и электронные часы с семью мелодиями. В деле, говорят, хранятся десятки квитанций с порядковыми номерами, которые идут подряд. Никому и в голову не пришло спросить: откуда эти вещи? Торговлю волновало только одно — найдет ли сбыт тот или иной предмет? Отговорка торговли известна: «И какой с нас спрос, если мы сами в плену у спроса?»

Ну, дальше — обычный конец: попался проводник с поличным, показал, где винты отворачивал, дома обыск, следствие, скамья подсудимых, срок наказания... Ему — два года исправительно-трудовых работ с вычетом 20 процентов заработка и конфискацией имущества, жена осуждена на три года лишения свободы с отсрочкой приговора. Наказание наказанием, а позор-то какой! Столько лет нормально трудились, неплохая репутация у них была, и все прахом. А сколько лет отмываться будут?

Я все думаю, как же они решились, что толкнуло? Может, от зависти к тем, кто живет получше, позажиточнее? Но скорее всего пример у них наглядный был. Да и как ему не появиться. За последние полгода это уже четвертый судебный процесс, в котором главные действующие лица — проводники юго-западного направления Дирекции международных и туристских перевозок.

Пятое дело недавно завершилось. Тоже история любопытная. Особенно ее герой — Владимир Петрович Желанов, человек с высшим образованием. Должен бы тренером работать или учителем физкультуры, а он, поди ж ты, в проводники подался. Я уже не говорю о том, как кадровики его взяли на эту должность, это речь особая. Но самое интересное-то в том, что он вообще на восточном направлении не работал. Накопились у него отгулы, а инструкция дозволяет использовать их в других поездках: людей-то не хватает. В общем, поехал Желанов на запад. И пустым не вернулся. И валюту на наши деньги за рубежом выменивать научился у «неизвестных граждан», и галантерейные товары привозил, которые у женщин явной популярностью пользуются.

Попался и Желанов. Но что уж совсем занимательно, так то, что принес Владимир Петрович ходатайство коллектива: товарищи, мол, берут его на поруки. Потом, правда, все отказались. «Липовая» оказалась бумага, с подделанными подписями. И получил Желанов два года исправительно-трудовых работ с вычетом 20 процентов заработка, имущество конфисковано.

Упрямый народ эти спекулянты. Ведь знают, что все равно поймают, а остановиться не хотят. Или не могут уж. Видать, «навар» этот хуже наркотика. Сладок он, «навар», и заразен. От одного к другому передается.

И вот хотел бы я спросить у начальника Дирекции международных и туристских перевозок товарища Дурдина Евгения Константиновича: по каким признакам проводников нынче подбирают на эту работу, какими качествами они должны обладать, чтобы удостоиться чести наш транспорт за рубежом представлять?

Впрочем, только ли транспорта это касается? Разве у вас нет знакомых, которые, выезжая работать в другие страны, забывают о достоинстве советского человека? И главной целью которых становится приобретение шмоток с фирменными ярлыками.

...Поезд пришел в Москву на Киевский вокзал. Пожилой человек в железнодорожной форме вышел на перрон и исчез в толпе. А я проверил его рассказ в Московско-Смоленской транспортной прокуратуре. Все оказалось правдой.

Борис РЯЗАНЦЕВ

Николай ЕЛИН,
Владимир КАШАЕВ

Новая жизнь экономиста Мелкошкина

СКАЗКА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Все-таки что ни говори, а это удивительно, какие случаи у нас еще на транспорте бывают. Вот хотя бы этот факт взять с младшим экономистом Мелкошкиным Вадимом Петровичем. Он кому-то там случайно место в автобусе уступил, старичку какому-то. Тот когда влез со своей клюкой да узелочком в автобус, все сидящие пассажиры сразу же на художественную литературу накинулись, чтобы свой культурный уровень продемонстрировать. У кого книжки с собой нет, тот к соседу через плечо заглядывает или вытаскивает из сумки селедку и начинает с газетой знакомиться, в которую она завернута. А один, у которого сумки с собой не было, не растерялся, снял с себя ботинок, достал оттуда свернутую бумажку, которую он вместо стельки туда было засунул, чтоб гвоздь в пятку не впивался, и давай на этой бумажке что-то записывать: то ли стихи сочиняет, то ли долги подсчитывает.

Ну, а Вадим Петрович как-то по рассеянности замешкался, не успел отвернуться, и пришлось ему место уступать, тем более что старичок прямо возле него позицию занял.

Всю дальнейшую дорогу до конечной Мелкошкин простоял, наконец выходит — видит, и старичок за ним ковыляет.

— Постой,— говорит,— добрый человек, не торопись. Ты меня уважил, и я хочу тебя отблагодарить.

Вадим Петрович решил, что тот его каким-нибудь пирожком из узелка хочет угостить или еще чем. Сконфузился:

— Что вы, что вы, папаша. Какие там подарки! У меня все есть.

— Ну, положим, этого у тебя нет! Много не стану обещать, а одно желание исполню, в честь, значит, моего дня рождения.

Тут Мелкошкин как-то сразу поверил.

— Тише, тише,— шепчет,— дедушка. А то еще услышат чего-нибудь, потом неприятностей не оберешься. Скажут: отсталый человек, в предрассудки разные веришь. На курсы атеизма пошлют, и все такое... У меня начальник ужасно строгий. Чуть что — сразу в крик...

— Боишься, стало быть, начальника?— иронически хмыкнул волшебник.

— М-м...— замялся Вадим Петрович,— как бы это сказать... связываться не хочу... Такой бестактный тип... Даже до хамства доходит...

— Понятно,— посуровел старичок.— Ну, ничего, это дело поправимое. Вот подарю тебе скатерть-самобранку, тогда ты вовсе сможешь не работать. Устроишься где-нибудь на полставки для виду, и все. Времени будет много свободного, лежи себе и пряники жуй. Одним словом, чего душа пожелает. Если, конечно, не очень дефицитное. А то еще захочешь чего-нибудь из Красной книги в жареном виде.

— Что вы, дедуля, я не захочу!— замахал руками младший экономист.— Мне эта скатерть вообще ни к чему, поскольку я на диете сижу. К тому же у меня ее сразу сосед отнимет!

— Как это отнимет?— удивился волшебник.

— Не знаете вы моего соседа, дедушка,— жалобно вздохнул Мелкошкин.— Ругаться начнет, слова употреблять нехорошие. Даже при случае стукнуть может какой-нибудь гадостью. Такой отчаянный! Три порицания ему вынесли на товарищеском суде, в том числе одно — с занесением в домовую книгу, а ему все нипочем!

— Экая у тебя скучная жизнь,— поморщился старичок.— А подарю-ка я тебе волшебное наливное яблочко. Покатишь его и увидишь...

— Да у меня его сосед вмиг сожрет!— обиженно перебил Мелкошкин.

— Вот заладил: «сосед да сосед»...— пробурчал волшебник.— Ну тогда сделаю я так, чтоб у тебя вообще соседей не было. Награжу тебя дворцом белокаменным с потолком хрустальным...

— Ой, дедушка...— тихо ахнул младший экономист.— Спасибо, конечно, но... Обокрадут ведь... В нашем микрорайоне один хулиган завелся, от него всего ожидать можно... Не, дедуленька, бояться я буду проживать на такой жилплощади, да еще без соседей...

— Тьфу ты, пес тебя задери!— рассердился наконец старик.— Того он боится, этого боится... Раз такое дело, ничего я тебе больше предлагать не буду, а дам тебе свой узелочек...

— С пирожками?— поскучнел Вадим Петрович.

— Какие еще пирожки!— отмахнулся волшебник.— Это, если хочешь знать, волшебная сума. Если кто тебя обидеть вздумает, достанешь ее и скажешь: «Двое — из сумы!» Выскочат оттуда два молодца и отделают твоего обидчика так, что до конца дней будет помнить.

— А мне... потом бюллетень не придется ему оплачивать?— с опаской поинтересовался Мелкошкин.

— Не придется,— усмехнулся маг.— Эти ребята свое дело знают, не первый год занимаются. Никаких следов на теле не оставят. Так что, Петрович, больше тебе бояться никого не надо будет...

— Дедушка...— просветленно вымолвил Вадим Петрович.— Родной вы мой... Да у меня теперь жизнь-то какая начнется! Я им теперь всем задам! Никого не испугаюсь!

— Ну то-то! — удовлетворенно кивнул старичок.— Ты только застаиваться не давай этим... которые из сумы. Хотя бы раз в месяц им работу давай, а то квалификацию потеряют. Ну, а уж если вызвал, то работой обеспечь. Даром их не гоняй туда-сюда, чтоб холостых пробегов не было. Они этого не любят...

Только Вадим Петрович хотел обнять старичка, а он вдруг хмыкнул и исчез. Просто в воздухе растворился. Младший экономист даже обеспокоился немножко: дескать, нет ли здесь какого-нибудь жульничества. А то, может, аферист какой облапошить решил: просидел в автобусе на его месте до самого конца, а теперь вместо сумы подсунет какую-нибудь рвань — и поминай, как звали. Однако пригляделся, видит: нет, не рвань. Сумкой, правда, трудно назвать, больше напоминает мешок для сменной обуви, с каким школьники по утрам ходят. Только поверху надпись идет: «Не кантовать!» И череп с костями нарисован.

Вадим Петрович как череп увидел, так совсем успокоился. «Фирма надежная. Теперь-то мне, наконец, никто не страшен! С завтрашнего дня становлюсь смелым».

...На следующий день приходит Мелкошкин на работу сияющий, мешочек свой волшебный под мышкой держит и с нетерпением ждет, когда же его начальник к себе вызовет и придираться начнет. А тот, как назло, словно вообще о нем забыл. Вадим Петрович совсем уж было расстроился, что месть отложить придется, но тут начальник сам к нему подходит и давай распекать прямо при сослуживцах.

Покраснел Мелкошкин, кулаки за спиной сжал.

«Ну, погоди,— думает.— Вот только оскорби меня каким-ни-

ПОЗВОНИ МНЕ, ПОЗВОНИ...

...если найдешь работающий таксофон! Пока же, как отмечают многие наши читатели, если вам надо срочно позвонить по телефону-автомату, не радуйтесь, когда увидите, что вот он, рядом, на стене ближайшего дома. Вовсе нет уверенности, что он исправен. Во всяком случае, наш спецкорреспондент В. Огоньков, которого в путешествии по большому городу сопровождал художник Юрий Черепанов, так и не сумел позвонить в редакцию. Каждая его попытка зафиксирована художником. Может, В. Огонькову просто не повезло? Может, в вашем городе все таксофоны наготове и оправдывают неосмотрительно данное им название: автоматы. Напишите, попытаемся разобраться...

будь словом неэстетичным, тогда узнаешь...»

— Гнать вас надо!— грохнул кулаком по столу начальник.— Гнать поганой метлой! Если б не моя дурацкая мягкость, вы бы в два счета отсюда вылетели!

Бледность Вадима Петровича достигла предела и перешла в бледно-голубой оттенок.

«Ах так?! — решил младший экономист.— Кажется, пора! Хватит, попил ты моей кровушки! — И за сумой тянется. А начальник еще пуще кипятится, наступает на него, жесты допускает оскорбительные...

«Или еще не пора?— продолжает размышлять младший экономист.— Что ж тут, собственно, оскорбительного, что он ногами топает? У него, говорят, рука в тресте, он может себе позволить лишний раз ногой топнуть. Это мне надо быть осторожным. А то, вызови я сейчас этих, из сумы, потом неприятностей не оберешься. Им-то что! Они кулаками помахали — и обратно в суму, а мне с ним работать... Вот разве только попозже их выпустить, когда домой вернусь? Дам им адресок: «Так, мол, и так, ребята. Действуйте! Проучим как следует этого взяточника и самодура!»

Пока он так рассуждал, рабочий день кончился, и начальник ушел. Подхватил Вадим Петрович свою суму и домой помчался. А там его уже сосед поджидает.

— А,— говорит,— заявился, интеллигент? Ну-ка, убери свою шляпу с вешалки, она мне тут мешает!

И хлоп эту шляпу на пол! Тут Мелкошкин, ни слова не говоря и не поднимая шляпы, проходит к себе в комнату, садится поудобнее в кресло, достает суму, откашливается, а сам тем временем тихо радуется в душе:

— Погоди, негодяй, сейчас ты узнаешь, где раки зимуют! Ты думаешь, что если у тебя три товарищеских порицания, так тебе все можно? Ничего, найдется и на тебя управа! И дружки твои не помогут. Да и как они тебе помочь смогут? Разве что потом меня где-нибудь в темном переулке подстерегут, когда я без сумы буду. Всыпят по первое число... Неправда, голубчики, не надейтесь, я теперь с этой сумой никогда не расстанусь, тамошние молодцы за меня всегда постоят... Только бы в милицию их не забрали, а то они первые же против меня в свидетели пойдут... Сообщат тогда на работу, премии лишат, чего доброго, фельетон в газете напишут. А ну его, этого дурака! Охота была с ним связываться!

Вышел Вадим Петрович в коридор, шляпу убрал, извинился перед соседом за беспокойство... Но едва он от дома отошел, как мимо него пронеслась легковая машина, обдав его грязью с ног до головы. Рассвирепел Мелкошкин, даже обдумать ничего не успел, как вырвалось у него само собой:

— Двое из сумы!

Выскочили тут из мешка два дюжих молодца.

— Чего прикажете?— спрашивают.— Кому тут физиономию начистить?

Вадим Петрович только хотел на шофера показать, но в этот миг взглянул случайно на номер и похолодел: машина-то принадлежала кому-то из районного начальства.

А молодцы торопят: зазябли без дела стоять.

— Скорей, скорей,— говорят, хозяин! Чего тут раздумывать — не в домино играешь!

Заметался Мелкошкин. На машину уже и глядеть боится, про соседа было вспомнил — поежился. Про шефа своего и говорить нечего...

— Ну, долго ты канителиться будешь?! — наседают богатыри.— А то мы чародею пожалуемся... У нас свои дела есть...

— А может, вы того...— чуть не плача, спрашивает Вадим Петрович удальцов,— отдохнете? Вернетесь себе в суму, поспите там или еще что, а я вам, если надо, вызов отмечу, что вы, дескать, делом тут занимались, отлупили кого-нибудь...

Он с тоской огляделся по сторонам. Вечер был тих и прекрасен. Уходило за горизонт раскрасневшееся, притомившееся от дальней дороги солнце, на котором явственно выступили пятна, наверное, от пота. Вслед солнцу церемониальный птичий оркестр энергично распевал что-то походное. Ласковый ветерок раздувал зеленые паруса деревьев. Жить на свете было хорошо и приятно.

Мелкошкин перевел взгляд на засучивших рукава богатырей, грустно шмыгнул носом и тихо вздохнул:

— Что ж делать... Остается последняя кандидатура...

Он зябко передернул плечами, повернулся к своим телохранителям спиной и, задрав у себя на спине рубашку, проникновенно сказал:

— Только не очень больно, ладно?..

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Русский живописец-баталист. 8. Бобовое лекарственное растение. 9. Советский хоккеист, двукратный олимпийский чемпион. 12. Документ, удостоверяющий авторское право на изобретение. 13. Искусственный ювелирный камень. 15. Русский актер, основоположник реализма в сценическом искусстве. 18. Коллекционер граммофонных пластинок. 19. Почтовая карточка. 20. Южное фруктовое дерево. 21. Один из изобретателей теплового двигателя. 23. Чемпион мира по шахматам. 25. Метод научного исследования. 26. Двуглавая вершина в центре Большого Кавказа. 29. Река, впадающая в озеро Ильмень. 32. Спортивный снаряд для игры в теннис, бадминтон. 33. Остров в Филиппинском архипелаге. 34. Дом для приезжающих.

По вертикали: 1. Вещество, приготовленное для лабораторного исследования. 2. Плавность движений в танце. 3. Математик и механик, академик, трижды Герой Социалистического Труда. 4. Металл, химический элемент. 6. Советский спортивный клуб. 7. Река в Западной Сибири. 10. Порт в Испании. 11. Игра в ответы на вопросы. 14. Рассказ М. А. Шолохова. 16. Раздел книги, статьи. 17. Опера Д. Пуччини. 22. Город в Тульской области. 24. Пластинка для смешивания красок в живописи. 27. Своеобразная особенность человека, явления. 28. Балет А. К. Глазунова. 30. Командная спортивная игра. 31. Басня И. А. Крылова.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 26

По горизонтали: 1. Новороссийск. 8. Огород. 9. Логика. 10. Ааре. 11. «Поединок». 12. Курнаков. 14. Цвет. 15. Отара. 17. Вальс. 19. «Баядерка». 22. Фонетика. 23. «Прометей». 24. Гастелло. 27. Атлас. 30. Тевяк. 32. Репс. 33. Антонида. 34. Теккерей. 35. Слон. 36. Регата. 37. «Икарус». 38. Альтернатива.

По вертикали: 2. Ожогина. 3. Редакция. 4. Селектор. 5. Смирнов. 6. «Победа». 7. Байкал. 11. Простокваша. 13. Василевский. 16. Ростова. 18. Артмане. 20. Анапа. 21. Купол. 25. Сарасате. 26. Лестница. 28. Литера. 29. Сенегал. 30. Токарев. 31. Вормси.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Эта «шестеренка» с десятками ковшей — невиданной силы углекоп. (См. в номере материал «Дождь над яблоневым садом»).

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

НА ЧЕТВЕРТОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Жираф Петя — достопримечательность зоопарка города Чимкента.

Фото Ю. ЛУШИНА

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 212-15-39; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 16.06.86. Подписано к печати 01.07.86. А 01997. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 1837. Заказ № 2943.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865. ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Николай СТАРОСТИН,
заслуженный мастер спорта

Футбол выиграл

Конец — делу венец, потому к финальному матчу у нас всегда особое отношение, он подводит черту под нашими наблюдениями. Не боюсь признаться, что считал шансы сборной ФРГ выше. Я руководствовался прежде всего богатым опытом и футбольной культурой замечательного в прошлом свободного защитника Беккенбауэра, ныне тренера этой команды. На этот раз я не угадал. И нисколько о том не жалею. Почему не жалею — скажу позже, а пока о том, почему не угадал.

Финал с участием сборных Аргентины и ФРГ выдался на редкость драматическим, изобиловал неожиданностями. Голы далеко не одинаковы по своему значению, я делю их по категориям. Первый гол обычно определяет дальнейшее течение игры и настроение сторон. Так вот в этом матче сильный вратарь сборной ФРГ Шумахер допустил трудно объяснимый срыв, выбежав из ворот и проскочив мимо мяча, после чего аргентинцы легко открыли счет. Это наложило отпечаток на весь матч. Стремясь отыграться, сборная ФРГ оголила тылы, что позволило аргентинцам провести ловкую контратаку 2:0. Второй гол в большинстве случаев предопределяет конечный результат. Но исключительность этого увлекательного матча, где ставкой было звание чемпиона мира, состояла в том, что он отверг общепринятые установления. Сборная ФРГ, воспользовавшись самоуспокоением соперника, усилила давление и после образцовых розыгрышей угловых ударов сквитала счет — 2:2. И тут сборная ФРГ на радостях возомнила себя способной «дожать» соперника, защитники авантюрно выдвинулись вперед, и кончилось это, как и следовало ожидать, наказанием. Резкая, стремительная контратака аргентинцев, а заслониться от нее некому. 3:2, и спор о чемпионе решен.

Согласитесь, что предусмотреть подобные повороты едва ли было возможно. А теперь о том, почему я не жалею, что чемпионом мира стала сборная Аргентины. Должен оговориться, что я не гонюсь за сверхобъективностью и скажу то, что отвечает моим представлениям о футболе. Так вот, по моему разумению, футбол выиграл, получив такого чемпиона, как сборная Аргентины. У этой команды чувствуется творческое начало, вера в виртуозность в самовыражение каждого игрока с помощью технических приемов и обводки, у нее культ звезд, она, если хотите, романтична. И добавлю, что такой футбол зрелищен, он нравится зрителям, он им понятен.

Представим на минуту, что чемпионом стала бы сборная ФРГ. Тогда мы обязаны были бы в заслугу первой команде мира поставить плановость, верность схеме, стандарту, безоговорочное послушание тренеру и жесткость. Кстати, от жесткости до жестокости в футболе всего полметра расстояния.

Вспоминается строчка одного поэта из болельщиков: «И мчатся роботы по полю, компьютер к бутсам привинтив». Может быть, сказано с преувеличением, но его прощаешь, чувствуя желание защитить футбол как игру. Мне могут возразить: хорошо, в матче Аргентина — ФРГ противопоставление разных подходов к игре вам удалось провести, но проиграли же французы, настаивающие на игровом начале, той же сборной ФРГ в полуфинале?!

Верно, проиграли, хотя большинство прочило их не только в финалисты, но и в чемпионы. Какое-либо игровое направление само по себе выигрыша не обеспечивает, борьба остается борьбой. Сборная Франции, рано пропустив гол, продолжала держаться на поле как ни в чем не бывало, словно желая уверить зрителей, что ее техническая изощренность в конце концов восторжествует. Она слишком много транжирила времени на игру в середине поля, придерживалась замедленного, удобного для розыгрыша мяча темпа. И даже когда стал подступать цейтнот, французы продолжали в том же духе. Сборная ФРГ в том матче имела перед собой соперника, все действия которого несложно было разгадывать.

Убежден, что в целом мексиканский чемпионат представил нам мировой футбол развивающимся. На пользу пошло расширение числа финалистов до 24, со временем выдвинутся в лидеры те команды, которых пока в расчет не принимают. Сложные технические приемы стали выполнять не только звезды, а многие игроки. Достаточно вспомнить эффектнейший гол, забитый мексиканцем Негрете в ворота сборной Болгарии. Скорость оценивается не по секундомеру, а тем, как быстро был отдан мяч, сколько времени ушло на принятие решения. А какой высочайший темп был во втором тайме финального матча, несмотря на мексиканские условия, которыми так пугали! Нетрудно представить, что на следующих чемпионатах и темп игры вырастет, и техническое умение прибавится.

Разумеется, наблюдая за играми, я постоянно думал о наших делах. У меня не создалось впечатления, что советский футбол уступает в сопоставлении с другими школами. Показательным был матч СССР — Франция (1:1). Чемпионы Европы, французы, отнеслись к нашей команде не только с уважением, но и с опаской. И не без оснований: маневренность и разнообразие нашей сборной в атаке позволили ей владеть и игровой, и моральной инициативой.

Но почему же тогда нет у нас заметных и постоянных успехов на международной арене? Перед чемпионатом на страницах «Огонька» в заметках «Мои футбольные годы» я попытался обрисовать состояние наших дел. Сейчас, после чемпионата, я еще более утвердился в мысли, что нас подводит неорганизованность, в результате которой клубные команды не имеют возможности планомерно работать и играть, а значит, и совершенствоваться. Мы живем по календарю, который только сбивает с толку. В футбольном отношении мы достаточно сведущи, у нас есть способные игроки, но все это растворяется в организационной аморфности и неразберихе. Из-за этого возможность успеха становится делом случая, а не итогом работы.

На снимке: аргентинец Д. Марадона в борьбе с защитниками бельгийской сборной.

Телефото АП — ТАСС

ДО СВИДАНИЯ, МЕХИКО, ЗДРАВСТВУЙ, МОСКВА!

Еще в полном разгаре был чемпионат мира по футболу, и миллионы людей каждый день приникали к экранам телевизоров, а уже все громче звучали в эфире, на страницах газет и журналов позывные нового надвигающегося события мирового масштаба—Игр доброй воли.

В московском спортивном форуме готовилась принять участие молодежь всех пяти континентов, эмблемой Игр стал земной шар, опоясанный надписью: «Москва-86. Игры доброй воли».

Воля, объединившая спортсменов всех пяти континентов, действительно добрая, ведь в Москву съезжаются те, кто согласен с тем, что целью международных спортивных встреч должно быть укрепление взаимопонимания между народами.

В центре внимания миллионов зрителей выступления сильнейших легкоатлетов мира, состязания самых быстрых пловцов, турниры баскетболистов, современных пятиборцев, волейболистов, боксеров, гимнастов, велосипедистов... Да разве перечислишь все пункты программы поистине олимпийского масштаба, ведь только в Москве на одиннадцати лучших спортивных аренах выступят представители 17 видов спорта, а кроме того, в Таллине, Юрмале и Подмосковье будут соревноваться яхтсмены, теннисисты и мотоболисты.

Встречи в Москве завершатся 20 июля после выступлений гребцов, дзюдоистов и тяжелоатлетов. Игры с удовольствием будут наблюдать люди, живущие на всех пяти континентах, и еще раз смогут оценить добрую волю спортсменов, борющихся за мир на Земле.

На снимке: первыми приехали в Москву участницы Игр доброй воли — бразильские баскетболистки.

Фото А. Бочинина

18
10
11

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663